



САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
SAMARA UNIVERSITY

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Juridical Analytical Journal

Том 18 № 2

2023 год

ISSN 1810-4088 Print
ISSN 2782-4276 Online

Подписной индекс 85743

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**JURIDICAL
ANALYTICAL
JOURNAL**

2023;18(2)

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
JURIDICAL ANALYTICAL JOURNAL

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ

Журнал издается с 2001 г. Выходит 4 раза в год. Т. 18 (2) 2023

Тематика журнала:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки;
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки;
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки;
- 5.1.5. Международно-правовые науки.

Основной концептуальной задачей журнала является публикация статей авторов уровня кандидатов и докторов наук, а также практикующих юристов, ссылающихся, в том числе на работы, опубликованные в журналах, входящих в перечень ВАК, Scopus и WoS.
Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и одностороннее слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией.

Главный редактор

Трещева Евгения Александровна, д-р юрид. наук, проф., кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Заместитель главного редактора

Юдин Андрей Владимирович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Научные редакторы

Агаларова Мария Андреевна, канд. юрид. наук, кафедра гражданского процессуального и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Сержантова Лидия Александровна, канд. юрид. наук, кафедра уголовного процесса и криминалистики; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. +7 (846) 3345406
E-mail: yuazh@ssau.ru
www: <http://journals.ssau.ru/index.php/yuazh>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета
Адрес издателя: 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Выпускающий редактор *Т.А. Мурзинова*
Литературное редактирование, корректура
Т.А. Мурзинова
Компьютерная верстка, макет
Т.А. Мурзинова
Информация на английском языке
М.С. Стрельников

Регистрационный номер СМИ – ПИ № ФС 77-78550 от 10.07.2020, зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Прежнее свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-7591 от 19.03.2001 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

ISSN 1810-4088 Print, ISSN 2782-4276 Online

Подписной индекс в Объединенном интернет-каталоге «Пресса России» 85743

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии ООО «Прайм»

443544, Российская Федерация, Самарская обл., Волжский р-н, с. Курумоч, ул. Полевая, 49.

Подписано в печать 17.07.2023. Выход в свет 26.07.2023.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 7.

Тираж 200 экз. (первый завод – 50 экз.). Заказ №



Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Редакционная коллегия:

Абдуллин Аделъ Ильсиярович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой международного и европейского права; Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация;

Андряшко Марина Васильевна, канд. юрид. наук, доцент, кафедра общеправовых дисциплин и государственного управления; Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Республика Беларусь;

Арабаев Автандил Анисович, д-р юрид. наук, проф., вед. научный сотрудник Института философии и политико-правовых исследований; Национальная академия наук Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика;

Безверхов Артур Геннадьевич, д-р юрид. наук, проф., директор Юридического института Самарского университета, зав. кафедрой теории и истории государства и права и международного права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Бортников Сергей Петрович, д-р юрид. наук, доцент, директор института права; Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация;

Велиева Джамила Сейфаддин Кызы, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой конституционного и международного права; Поволжский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, Российская Федерация;

Воронцова Ирина Викторовна, д-р юрид. наук, доцент, кафедра гражданского процессуального права; Российский государственный университет правосудия (Казанский филиал), г. Казань, Российская Федерация;

Гамбарян Артур Сиреканович, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой теории права и конституционного права Института права и политики; Российско-Армянский университет, г. Ереван, Республика Армения;

Джансарева Рима Еренатовна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики; Казахский Национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан;

Иногамова-Хегай Людмила Валентиновна, д-р юрид. наук, проф., кафедра уголовного права; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация;

Исаенкова Оксана Владимировна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой гражданского процесса; Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация;

Качалова Оксана Валентиновна, д-р юрид. наук, доцент, руководитель научного направления исследования проблем уголовного судопроизводства Научного центра исследования проблем правосудия; Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация;

Кленова Татьяна Владимировна, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой уголовного права и криминологии; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Михайлова Ирина Александровна, д-р юрид. наук, проф., кафедра гражданского и предпринимательского права; Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Российская Федерация;

Поваров Юрий Сергеевич, канд. юрид. наук, доцент, кафедра гражданского и предпринимательского права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Попович Витомир, академик, д-р права, проф.; Университет в Бания-Луке, г. Бания-Лука, Босния и Герцеговина;

Полянский Виктор Владимирович, канд. юрид. наук, проф., зав. кафедрой государственного и административного права; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Радован Давид, д-р права, доцент, кафедра гражданского права, помощник судьи Конституционного Суда Республики Чехия; Университет им. Т. Масарика, г. Брно, Чешская Республика;

Савельев Константин Анатольевич, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики; Самарский университет, г. Самара, Российская Федерация;

Салкиевич-Мунерлин Эва, д-р права, проф., кафедра международного права; Академия Анджея Фрича Моджевского, г. Краков, Республика Польша.

ISSN 1810-4088 Print
ISSN 2782-4276 Online

Subscription Index 85743

**JURIDICHESKIY
ANALITICHESKIY
ZHURNAL**

**JURIDICAL
ANALYTICAL
JOURNAL**

2023;18(2)

Remit of the journal:

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences;
- 5.1.2. Public legal (state legal) sciences;
- 5.1.3. Private legal (civil) sciences;
- 5.1.4. Criminal legal sciences;
- 5.1.5. International legal sciences

The main conceptual task of the journal is the publication of articles by authors of the level of candidates and doctors of science, as well as practicing lawyers, referring, among other things, to works published in journals included in the list of the Higher Attestation Commission, Scopus and WoS.

All articles are reviewed in the program “**Antiplagiat**” and **one-way peer-reviewed** by the leading scientists in accordance with remit and specialities of the journal.

Chief editor

Trescheva, Evgeniya Alexandrovna, Doctor of Law, professor, Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editor

Yudin, Andrey Vladimirovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Science editors

Agalarova, Mariya Andreevna, Candidate of Juridical Sciences, Department of Civil Procedural and Business Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Serzhantova, Lidiya Alexandrovna, Candidate of Juridical Sciences, Department of Criminal Procedure and Criminalistics; Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.
Tel. +7 (846) 3345406

E-mail: yuazh@ssau.ru,

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/yuazh>

Publisher: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University,

Publisher address: Room 312b, building 22a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literary editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

T.A. Murzinova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media ПИ № ФС 77-78550 as of 10.07.2020 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

The former Certificate on registration of means of mass-media ПИ № 77-7591 as of 19.03.2001 is given by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

ISSN 1810-4088 Print, ISSN 2782-4276 Online

Supscription Index in the “Press of Russia” Catalogue of Internet 85743

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Author's articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed from OOO “Praim”

49, Polevaya Street, Volzhskiy district, village Kurumoch, Samara region, 443544, Russian Federation.

Passed for printing 17.07.2023. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 7.

Circulation 200 copies (first printing – 50 copies). Order №

Editorial staff:

Abdullin, Adel Ilsiyanovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of International and European Law; Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation;

Andriyashko, Marina Vasilievna, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, Department of General Legal Disciplines and State Management; Baranavichy State University, Baranavichy, Republic of Belarus;

Arabaev, Avtandil Anisovich, Doctor of Law, professor, leading researcher of the Institute of Philosophy and Political and Legal Research; National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic;

Bezverkhov, Artur Gennadievich, Doctor of Law, professor, director of the Law Institute of Samara University, head of the Department of Theory and History of State and Law and International Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Bortnikov, Sergey Petrovich, Doctor of Law, associate professor, director of the Institute of Law; Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation;

Velieva, Dzhamilya Seyfaddin Kyzy, Doctor of Law, professor, head of the Department of Constitutional and International Law; Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Saratov, Russian Federation;

Vorontsova, Irina Viktorovna, Doctor of Law, associate professor, Department of Civil Procedural Law; Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation;

Gambaryan, Artur Sirekanovich, Doctor of Law, professor, head of the Department of Theory of Law and Constitutional Law, Institute of Law and Politics; Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia;

Dzhansaraeva, Rima Erenatovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics; al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan;

Inogamova-Khegay, Lyudmila Valentinovna, Doctor of Law, professor, Department of Criminal Law; Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation;

Isaenkova, Oksana Vladimirovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Civil Process; Saratov State Law University, Saratov, Russian Federation;

Kachalova, Oksana Valentinovna, Doctor of Law, associate professor, head of the scientific direction of research of problems of criminal proceedings, Scientific center of the research of problems of justice; Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation.

Klenova, Tatyana Vladimirovna, Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Mikhailova, Irina Alexandrovna, Doctor of Law, professor, Department of Civil and Business Law; Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation;

Povarov, Yuriy Sergeevich, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, Department of Civil and Entrepreneurial Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Popovich, Vitomir, Academician, Doctor of Law, professor; University of Banja Luka, Banja Luka, Republic of Srpska;

Polyanskiy, Victor Vladimirovich, Candidate of Juridical Sciences, professor, head of the Department of State and Administrative Law; Samara National Research University, Samara, Russian Federation;

Radovan, David, Doctor of Law, associate professor, Department of Civil Law, assistant judge of the Constitutional Court of the Czech Republic; Masaryk University, Brno, Czech Republic;

Savelev, Konstantin Anatolievich, Candidate of Juridical Sciences, associate professor, head of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science; Samara University, Samara, Russian Federation;

Salkiewicz-Munierlyn, Ewa, Doctor of Law, professor, Department of International Law; Andrzej Frycz Modrzewski Krakow University, Krakow, Republic of Poland.



This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Владислав Э. Волков, Антонина А. Корендясева

Цифровой след государственного (муниципального) служащего: правовое основание, виды и пределы использования

7

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Денис А. Лобачев

Практика расторжения договоров участия в долевом строительстве в связи с существенным изменением обстоятельств

13

Валерия Э. Парсина

Медиация как альтернативный способ урегулирования правовых споров

21

Дарья Д. Мельникова

Практика использования косвенных доказательств в гражданском процессе: проблемы и пути их преодоления

34

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Татьяна И. Михеева

Особенности доказывания преступлений, совершенных организованными преступными группами

49

Требования к оформлению статей

55

CONTENTS

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

- Vladislav E. Volkov, Antonina A. Korendyaseva**
Digital trace of a government (municipal) employee: legal basis, types and limits of use 7

PRIVATE LEGAL (CIVIL) SCIENCES

- Denis A. Lobachev**
Practice of termination of contracts of participation in shared-equity construction due to a significant change in circumstances 13
- Valeria E. Parsina**
Mediation as an alternative way to resolve legal disputes 21
- Dariya D. Melnikova**
Practice of using indirect evidence in civil proceedings: problems and ways to overcome them 34

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Tatyana I. Mikheeva**
Features of proving crimes, committed by organized crime groups 49
- Requirements to the design of articles* 55

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.5

Дата поступления: 11.03.2023
рецензирования: 17.04.2023
принятия: 27.06.2023

Владислав Э. Волков

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Антонина А. Корендясева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Цифровой след государственного (муниципального) служащего: правовое основание, виды и пределы использования

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы использования «цифрового следа» государственного (муниципального) служащего и соискателя такой должности. Аргументируется разграничение «пассивного» и «активного» «цифрового следа», «цифровой тени» и «цифрового следа». Особое внимание уделяется конкретным способам контроля деятельности служащего (соискателя на должность) и возможности их законодательного регулирования. Приводятся примеры действующего взаимодействия с «цифровым следом» государственного (муниципального) служащего.

Ключевые слова: цифровой след; цифровая тень; государственная служба; муниципальная служба; информация.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Волков, Владислав Э., Антонина А. Корендясева. 2023. “Цифровой след государственного (муниципального) служащего: правовое основание, виды и пределы использования”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (2): 7–12. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-2-7-12>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

© Владислав Э. Волков, Антонина А. Корендясева, 2023

Владислав Эдуардович Волков, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: volkov@urlife.pro

Антонина Андреевна Корендясева, юрист, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: ikafedra@gmail.com

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.03.2023
Revised: 17.04.2023
Accepted: 27.06.2023

Vladislav E. Volkov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Antonina A. Korendyaseva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Digital trace of a government (municipal) employee: legal basis, types and limits of use

Abstract: the subject of the article is how governments can use civil servants digital trace to make their work more effective. Also, authors discuss about “passive” and “active” “digital trace”. The article presents attempts to differentiate concepts of “digital shadow” and “digital trace”. Special attention is paid to specific ways to control civil servants and opportunity of legal consolidation. In addition, the article contains examples of using civil servants “digital trace” currently.

Key words: digital trace; digital shadow; state service; municipal service; information.

Conflict of interest: the authors declared no conflicts of interest.

Citation: Volkov, Vladislav E., Antonina A. Korendyaseva. 2023. “Digital trace of a government (municipal) employee: legal basis, types and limits of use”. *Juridical Analytical Journal* 18 (2): 7–12. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-2-7-12>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

© *Vladislav E. Volkov, Antonina A. Korendyaseva, 2023*

Vladislav E. Volkov, Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of State and Administrative Law, Institute of Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: volkov@urlife.pro

Antonina A. Korendyaseva, paralegal, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: ikafedra@gmail.com

Введение

XXI век – время быстрого развития цифровых технологий и Интернета. Сегодня мало кто может представить свою жизнь без социальных сетей, поисковых систем, облачных хранилищ и других технологий, доступ к которым нам обеспечивает Интернет. Еще около десяти лет назад многие повседневные вещи и технологии казались нам фантастически недостижимыми, однако уже сегодня они вошли в нашу жизнь и укоренились в ней. Активность человека в виртуальном пространстве растет, что, в свою очередь, порождает массивы новых структурированных и неструктурированных данных.

Ход исследования

Согласно исследованиям Fortune Business Insight¹, в 2022 году объем рынка Big Data оценивался в 271, 83 миллиарда долларов США. К 2030-му, по прогнозам, рынок должен вырасти до 745,15 миллиарда США, таким образом демонстрируя среднегодовой рост в 13,5%. Сегодня в мире насчитывается 5,16 миллиарда пользователей сети Интернет. Это значит, что 64,4% мирового населения имеют доступ в глобаль-

ную информационную сеть. За год количество интернет-пользователей выросло на 1,9%. На начало 2023 года численность пользователей социальных сетей – 4,76 миллиарда, что составляет чуть менее 60% от общей численности населения мира².

На данном этапе развития цифровых технологий поиск, сбор и анализ информации о личности не составляет особого труда даже для простого обывателя: от фотографий, размещенных в социальных сетях, до персональных данных. Развитие цифровых технологий неизбежно приводит к увеличению числа разного рода сведений о человеке на базе информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Получили развитие методы OSINT (Open-source Intelligence) – разведки по открытым источникам, позволяющие собрать чувствительную для человека информацию, формально не нарушая принятых в обществе правовых норм. В связи с этим сегодня все большее значение приобретает проблематика цифрового следа, который оставляет человек в информационном пространстве. Стоит сразу отметить, что наравне с понятием «цифровой след» используются так-

¹ Big Data Analytics Market. <https://www.fortunebusinessinsights.com/big-data-analytics-market-106179>.

² Статистика Интернета и соцсетей – цифры и тренды в мире и в России. <https://www.web-canape.ru>.

же «цифровая тень», «информационный след» и «виртуальный след». Исследование цифрового следа, который неизбежно оставляет каждый пользователь информационно-телекоммуникационных сетей, не только позволяет дать оценку тем или иным действиям личности, но и сформировать ее целостную социальную характеристику, а в недалеком будущем позволит спрогнозировать поведение человека.

Современный уровень развития техники позволяет определить два вида цифрового следа: активный и пассивный. К активному цифровому следу относятся все данные, которые пользователь публикует добровольно, намеренно раскрывая свои персональные данные. Чаще всего формирование цифрового следа связано с использованием социальных сетей и других ресурсов, позволяющих создавать цифровой контент (UGC).

К пассивному цифровому следу относится иная информация о личности, которая может собираться без конкретного, предметного, информированного, сознательного и однозначного согласия пользователя. Например, история запросов в поисковых системах или DNS-запросов, направляемых оператору связи через адресную строку браузера. Сбором такой информации в основном занимаются государства и крупные корпорации в своих интересах, например для профайлинга граждан, продвижения продуктов и рекламы. Так, например, при использовании Google история запросов пользователя сохраняется автоматически на всех устройствах. Информация обо всех действиях в сети также сохраняется и доступна пользователю в личном кабинете. Сама компания объясняет это тем, что таким образом сервис становится более удобным для самого пользователя. Помимо этого, Google собирает и информацию, предоставляемую лицом при использовании, к примеру, Google Fit – шаги – пройденное расстояние и время прогулки. Компании Amazon в 2021 году властями ЕС был присужден рекордный штраф в размере \$886 млн за обработку персональных данных без согласия пользователей.

В свете разделения цифрового следа на категории активного и пассивного следует упомянуть о взгляде некоторых авторов на различия между цифровым следом и цифровой тенью. В ряде публикаций, посвященных обеим категориям, можно встретить следующее сопоставление терминов «цифровой след» и «цифровая тень». Цифровой след – это совокупность информации, размещаемой пользователем о себе

в сети Интернет, а цифровая тень – информация, которая накапливается неявно (Бояркина, Бояркин 2016, 79–80), скрыто, то есть без явно выраженного согласия пользователя. Это могут быть сведения о местоположении, IP-адресе, истории покупок или просмотров товаров, записи с камер наблюдения и т. д. Можно выдвинуть гипотезу, что «цифровой след» как понятие шире «цифровой тени», так как и то и другое является определенным информационным отпечатком, оставляемым человеком в сети. При этом различным оказывается способ получения этой информации.

В законодательстве Российской Федерации напрямую не упоминается понятие цифрового следа или цифровой тени. Однако действует Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». В пункте 1 статьи 3 указанного закона приводится определение персональных данных: «персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)». Персональные данные могут быть разрешенными субъектом для распространения путем дачи согласия на обработку. Использование цифрового следа возможно не только в коммерческих интересах отдельными компаниями, но и в сфере государственной и муниципальной службы.

На сегодняшний день использование цифрового следа или тени государственного или муниципального служащего законом отдельно не регламентируется. Но видится, что их использование могло бы обеспечить большую эффективность государственной и муниципальной службы, профилактику коррупционных правонарушений, а также способствовало бы проведению продуманной кадровой политики.

Полагаем, что использование цифрового следа будет наиболее эффективным на следующих стадиях служебных отношений:

- 1) поступление на службу;
- 2) прохождение службы;
- 3) увольнение со службы.

Стоит начать рассмотрение с поступления на государственную и муниципальную службу. Статья 20.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ регулирует предоставление сведений о размещении информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет претендентом на ту или иную должность государственной службы.

Важно отметить, что гражданин предоставляет общедоступную информацию, что по своему определению является общеизвестными сведениями и иной информацией, доступ к которой не ограничен³. В 2016 году Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» был дополнен статьей 15.1, предусматривающей аналогичные обязанности соискателей муниципальных должностей.

Служащий не может находиться на службе в случае непредоставления перечисленных сведений. Стоит отметить, что информация предоставляется за три года, предшествующих году поступления на службу. Таким образом, даже если страница в социальной сети, к примеру, будет удалена, о ней все равно придется сообщить.

Лица, проходящие государственную и муниципальную службу, также должны ежегодно предоставлять сведения обо всей информации, публикуемой ими в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Непредоставление указанных сведений может являться основанием расторжения контракта со служащим.

Информация из социальных сетей позволяет сформировать портрет служащего или гражданина, претендующего на эту должность. Какую именно информацию необходимо использовать для формирования цифрового следа, в перечисленных правовых актах не сказано. Однако государственные и муниципальные служащие при исполнении своих служебных обязанностей действуют в публичных интересах, таким образом, их высказывания в социальных сетях не должны быть противоправными, так как подобные действия подрывают авторитет государства и службы. Государственными и муниципальными служащими также должны соблюдаться определенные правила служебной этики, в том числе и при общении в сети Интернет, так как любые неосторожные действия могут повлечь негативную оценку со стороны общества. Так, сегодня действует Письмо Минтруда России от 11 октября 2017 г. № 18-4/10/В-7931. В частности, сказано: «При размещении информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (далее – сеть Интернет), в том числе в социальных медиа, в личных целях необходимо подходить к данному вопро-

су осознанно и ответственно. Недопустимо размещение служащим изображений, текстовых, аудио-, видеоматериалов, прямо или косвенно указывающих на его должностной статус, если данное действие не связано с исполнением служебных обязанностей. Важно помнить, что информация, опубликованная в сети Интернет, может оставаться открытой для доступа неограниченное количество времени и неограниченному кругу лиц». Также упоминается о том, что незачисленный поступок, совершенный в том числе во внеслужебное время, может оставить свой отпечаток на репутации того или иного государственного органа.

На сегодняшний день, проверка информации, открыто публикуемой в Интернете, является единственным регламентированным законом взаимодействием с цифровым следом. Цифровая тень официально не проверяется.

При прохождении государственной и муниципальной службы, как уже упоминалось ранее, служащие ежегодно предоставляют информацию о публикации информации в сети Интернет. Тем не менее можно привести примеры перспективных направлений работы с цифровым следом и цифровой тенью. Действенным способом работы с последней можно рассматривать мониторинг сайтов, которые посещает служащий во время работы, пользуясь сетевым подключением на рабочем месте. Таким образом технически можно отслеживать продуктивность работы служащего, дополнять его уже сформированный портрет, исходя из его активности в браузере, вида посещаемых сайтов и количества времени, на них проведенного. Помимо этого, мониторинг подобной активности позволяет проводить своевременную профилактику антикоррупционной деятельности, выявлять реальные намерения того или иного служащего.

Следующим шагом использования цифровой тени можно рассматривать использование системы видеонаблюдения. Сегодня в Москве в рамках программы «Развитие цифровой среды и инноваций» действует масштабная система видеонаблюдения. В метро работает система распознавания лиц «Сфера», с ее помощью, в частности, московская полиция задерживает преступников, находящихся в розыске, помогает найти пропавших граждан. Например, за июль 2021 года система помогла найти 221 человека. Работу «Сферы» объясняют следующим образом: «Технология преобразовывает лицо пассажира, прошедшего через турникет, в уникальный биометрический ключ. Если

³ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. 2006. *Собрание законодательства РФ*. 31 июля. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

человек находится в розыске, система тут же оповестит полицию»⁴.

Подобные технологии применимы и в рамках государственной службы, например при правовой оценке участия служащего в публичных мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка, или его иного противоправного поведения, которое пока остается без внимания государства, поскольку статус служащего далеко не всегда очевиден сам по себе.

Отдельно в рамках этапов поступления на службу и прохождения службы, на наш взгляд, стоит остановиться на использовании социальных сетей и сервисов обмена сообщениями. Сегодня поведение государственных и муниципальных служащих в социальных сетях находится в центре общественного внимания. Это и неудивительно: страницы в социальных сетях стали нашими визитными карточками. Любое неверное действие, будь то неуместный комментарий, необдуманное обнародование записи на странице, могут сказаться на имидже и авторитете как самого служащего, так и в целом государственной и муниципальной службы как публично-правовой системы. На наш взгляд, здесь должна действовать прямая зависимость: чем выше статус служащего, тем больше к нему внимания и требований к поведению в социальных сетях.

Интересным примером может служить определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2023 г. № 88-11451/2023. Спор состоял в том, что в мессенджере WhatsApp госслужащий опубликовал статус, который был виден всем пользователям в течение 24 часов. По мнению нанимателя, статус подрывал авторитет подведомственной организации и нарушал кодекс этики. Таким образом, служащему было сделано предупреждение о неполном должностном соответствии. Помимо этого, он был лишен премии. Восьмым кассационным судом статус в мессенджере был признан публичной информацией, так как она адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме. Госслужащий разместил статус, поскольку стремился защитить супругу – работницу подведомственной организации. Значит, высказывание было связано с личными интересами чиновника. Этим он допустил ситуацию, когда наниматель может сомневаться в его

добросовестности и способности эффективно исполнять должностные обязанности. Действия госслужащего нанесли ущерб его репутации и авторитету организации, подведомственной нанимателю⁵. В этом ключе можно смотреть на цифровой след именно как на активный отпечаток поведения человека в сети Интернет, наоборот, с точки зрения полезного механизма лоббирования определенных идей. В таком случае видится возможным создание такой системы, где с такой информацией и страницами служащих будут работать специалисты и фокус-группы для анализа и прогнозирования реальной оценки тех или иных действий обществом.

В рамках отношений, связанных с увольнением со службы, хочется рассмотреть использование Cookies. Они представляют собой тип текстовых файлов, содержащих информацию о пользовании сайтом и хранящихся в браузере (Чипигина 2023, 174). Выделяют два вида cookies: постоянные и временные. Если временные помогают пользователю в работе с сайтом и удаляются после окончания взаимодействия с ним, то с постоянными такого не происходит. Существует также вид evercookie – такой тип файла, который можно восстановить даже после принудительной очистки истории браузера. Подобный вид запрещен для использования, и сервисы, использующие подобный тип cookies, блокируются. Однако, используя такие механизмы в целях обеспечения общественных и государственных интересов, можно существенно повысить эффективность служебной деятельности, в том числе с помощью ротации кадров после анализа действий служащего в сети Интернет. Через данные механизмы возможен поиск скрытых, но полезных черт личности служащего, которые возможно более эффективно применять на иной должности.

Заключение

Если мы говорим о целенаправленном изучении информации о конкретном человеке в рамках его повседневной жизни, такие действия могут трактоваться в контексте неправомерного вторжения в частные дела или stalking (от англ. Stalking – «преследование»). Иное значение данные действия приобретают, когда речь идет о профессиональной деятельности в публичных интересах. Цифровой след служащего выходит за пределы личной свободы гражданина и оказывается в пространстве его профессиональной жизни, смысл которой

⁴ В июле система «Сфера» помогла выявить 221 человека в метро. *Официальный портал "Московский транспорт"*. https://transport.mos.ru/mostrans/all_news/107391.

⁵ Определение 8-го КСОЮ от 13.07.2023 № 88-11451/2023.

составляет служение государству и обществу. При этом анализ цифрового следа для целей государственной или муниципальной службы в любом случае должен осуществляться при условии получения конкретного, предметного, информированного, сознательного и однозначного согласия гражданина. Получение такого согласия, вероятно, не составит труда, если гражданин в действительности заинтересован в профессиональной и компетентной реализации своего служебного статуса в публичных интересах.

Библиография

Бояркина, Лариса А., Владислав В. Бояркин. 2016. “Цифровой след и цифровая тень как производные персональных данных”. *Сборники конференций НИЦ Социосфера* 62: 79–80. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27539093>, <https://elibrary.ru/xeqpav>.

Чипигина, Полина А. 2023. “Правовое регулирование cookie”. *Образование и право* 6: 174–177.

References

Boyarkina, Larisa A., Vladislav V. Boyarkin. 2016. “Digital footprint and digital shadow as derivatives of personal data”. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera* 62: 79–80. <https://elibrary.ru/item.asp?id=27539093>. EDN: <https://elibrary.ru/xeqpav>. (In Russian)

Chipigina, Polina A. 2023. “Legal regulation of cookies”. *Obrazovanie i pravo* 6: 174–177.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

PRIVATE LEGAL (CIVIL) SCIENCES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.45/.47

Дата поступления: 15.02.2023
рецензирования: 19.04.2023
принятия: 27.06.2023

Денис А. Лобачев

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Практика расторжения договоров участия в долевом строительстве в связи с существенным изменением обстоятельств

Аннотация: в пунктах 1, 1.1 статьи 9 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» прямо оговорены случаи, когда участник долевого строительства имеет право отказаться от договора или потребовать его расторжения в суде. Данные случаи сопряжены в основном с ненадлежащим исполнением обязательств застройщиком. Но кроме специальных случаев указанный закон предусматривает возможность расторжения договора при наличии иных установленных федеральным законом или договором оснований. Одно из таких оснований предусмотрено в статье 451 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой идет речь об изменении и расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Актуальность исследуемого вопроса продиктована тем, что само основание в виде существенного изменения обстоятельств не обладает однозначными для понимания и применения законодательными признаками. Указанная ситуация изначально создает условия для широты и разнообразия правоприменительного усмотрения. Интерес к данному основанию расторжения договоров также отчасти обусловлен изменившимся отношением в практике к ранее презюмируемому праву участников долевого строительства отказаться от исполнения договора в любой момент на основании Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». В статье сделан вывод, что по своей природе существенное изменение обстоятельств связано с явлениями и событиями внешнего порядка, которые оказывают влияние на исполнение договора участия в долевом строительстве, но не являются непосредственно следствием действий сторон по исполнению договора. Обстоятельство, измененное нарушением договорных обязательств стороной сделки, имеет иной характер, чем события, о которых идет речь в статье 451 ГК. Основной причиной отказа в удовлетворении требований о расторжении договоров участия в долевом строительстве является вывод, что участник долевого строительства в момент заключения договора мог предвидеть существенное изменение обстоятельств. При этом, оценивая наличие данного критерия, необходимо исходить не просто из гипотетической возможности предвидеть изменение обстоятельств, а учитывать конкретные условия, в том числе имеющиеся опыт и знания, опираясь на которые истец, проявив добросовестность, должную внимательность и осмотрительность, мог здраво предвидеть изменение обстоятельств.

Ключевые слова: расторжение договора участия в долевом строительстве; существенное изменение обстоятельств; ухудшение материального положения; прекращение обязательств; расторжение договора с застройщиком; внесение изменений в проектную декларацию.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Лобачев, Денис А. 2023. «Практика расторжения договоров участия в долевом строительстве в связи с существенным изменением обстоятельств». *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (2): 13–20. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-2-13-20>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Денис А. Лобачев, 2023

Денис А. Лобачев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: lobachev.da@ssau.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.02.2023

Revised: 19.04.2023

Accepted: 27.06.2023

Denis A. Lobachev Samara National Research University, Samara, Russian Federation**Practice of termination of contracts of participation in shared-equity construction due to a significant change in circumstances**

Abstract: paragraphs 1, 1.1 of Article 9 of Federal Law № 214-FZ as of December 30, 2004 “On Participation in the Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate Objects and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” explicitly specify cases when a participant in shared construction has the right to withdraw from the contract or demand its termination in court. These cases are mainly associated with improper fulfillment of obligations by the developer. But except in special cases, the said law provides for the possibility of termination of the contract in the presence of other grounds established by federal law or contract. One of these grounds is provided for in Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation, which deals with the amendment and termination of the contract in connection with a significant change in circumstances. The relevance of the issue under study is dictated by the fact that the very basis in the form of a significant change in circumstances does not have unambiguous legislative signs for understanding and application. This situation initially creates conditions for the breadth and diversity of law enforcement discretion. The interest in this ground for termination of contracts is also partly dictated by the changed attitude in practice to the previously presumed right of participants in shared-equity construction to refuse to perform the contract at any time on the basis of the Law of the Russian Federation dated 07.02.1992 № 2300-1 “On Consumer Protection”. The article concludes that by its nature, a significant change in circumstances is associated with phenomena and events of an external order that affect the execution of the contract of participation in shared construction, but are not directly a consequence of the actions of the parties to fulfill the contract. The circumstance modified by the breach of contractual obligations by the party to the transaction has a different character than the events referred to in Article 451 of the Civil Code. The main reason for the refusal to satisfy the requirements for the termination of contracts of participation in shared construction is the conclusion that the participant of shared construction at the time of conclusion of the contract could foresee a significant change in circumstances. At the same time, assessing the presence of this criterion, it is necessary to proceed not just from a hypothetical possibility to foresee a change in circumstances, but to take into account specific conditions, including existing experience and knowledge, based on which, the plaintiff, having shown good faith, due care and prudence, could reasonably foresee a change in circumstances.

Key word: termination of the contract of participation in shared-equity construction; significant change in circumstances; deterioration of the financial situation; termination of obligations; termination of the contract with the developer; amendments to the project declaration.

Conflict of interest: the author declared that there is no conflict of interest.

Citation: Lobachev, Denis A. 2023. “Practice of termination of contracts of participation in shared-equity construction due to a significant change in circumstances”. *Juridical Analytical Journal* 18 (2): 13–20. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-2-13-20>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Денис А. Лобачев, 2023

Денис А. Лобачев, Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: lobachev.d@ssau.ru

Введение

Не все участники долевого строительства, вступившие в отношения с застройщиком и принявшие на себя обязательство оплатить обусловленную договором участия в долевом строительстве цену, готовы в последующем исполнять договор. Напротив, в отдельных случаях у них возникает интерес до ввода объекта в эксплуатацию прекратить отношения по строительству объекта и вернуть оплаченные денежные средства. Указанный интерес может быть обусловлен как действиями застройщика, так и неготовностью самого участника продолжать исполнять принятые на себя обязательства по договору, например вследствие ухудшения материального положения.

В пунктах 1, 1.1 статьи 9 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Закон об участии в долевом строительстве) прямо оговорены случаи, когда участник долевого строительства (далее по тексту – участник) имеет право отказаться от договора или потребовать его расторжения в суде. Данные случаи в основном сопряжены с ненадлежащим исполнением договорных обязательств застройщиком. Но кроме специальных случаев указанный закон предусматривает возможность расторжения договора при наличии иных установленных федеральным законом или договором оснований. Одно из таких оснований предусмотрено в статье 451 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК), в которой идет речь об изменении и расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Справедливо отмечено, что в некоторых случаях обстоятельства могут измениться с момента заключения договора до такой степени, что стороны, будучи осведомленными о возможности их наступления, никогда бы не совершили подобную сделку или сделку на таких условиях. И тогда на авансцену выходит институт существенного изменения обстоятельств (Громов 2022, 18). Исполнить договорные обязательства при

таких условиях в принципе возможно, но это приведет к настолько разорительным последствиям для стороны, что теряется сам смысл вступления в договорные отношения, которые должны быть по общему правилу взаимовыгодными (Соменков 2010, 53). Справедливо отмечено, что возникновение существенных затруднений при исполнении договора разрушает его экономическую основу – баланс интересов сторон. В такой ситуации стороны нуждаются в максимально возможной правовой поддержке (Рогова 2013, 19–24).

В практике последних лет появилось достаточное количество судебных дел, в которых суды дают оценку возможности расторжения договора участия в долевом строительстве на основании заявленного истцом довода о существенном изменении обстоятельств. Ее анализ свидетельствует об отсутствии единого подхода в решении данного вопроса. Актуальность исследуемого вопроса продиктована тем, что само основание в виде существенного изменения обстоятельств не обладает однозначными для понимания и применения законодательными признаками. Указанная ситуация изначально создает условия для широты и разнообразия правоприменительного усмотрения. Интерес к данному основанию расторжения договоров также отчасти обусловлен изменившимся подходом в судебной практике к праву участника долевого строительства в любой момент отказаться от исполнения договора. Так, до определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.07.2018 № 4-КГ18-43³ презюмировалась возможность физического лица, который заключил договор в личных (не предпринимательских) целях, отказаться от исполнения договора в любое время, оплатив застройщику фактически понесенные им расходы, связанные с исполнением обязательств по данному договору, то есть воспользоваться статьей 32 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»⁴ (далее – Закон о защите прав потребителей). Упомянутое определение изменило коренным образом отношение к данному вопросу. В настоящее время практика преимущественно

¹ Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». *КонсультантПлюс*. Дата обращения 22.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 22.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.07.2018 № 4-КГ18-43. Дата обращения 20.06.2023. *КонсультантПлюс*. <http://www.consultant.ru>. Здесь и далее ссылки на акты органов судебной власти приводятся из Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей». *КонсультантПлюс*. Дата обращения 20.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

исходит из невозможности применения статьи 32 Закона о защите прав потребителей в силу того, что отношения с участием потребителей в сфере долевого участия в строительстве регулируются специальным законом, в котором не предусмотрено права лица на односторонний отказ от договора при отсутствии нарушений обязательств со стороны застройщика. В соответствии с пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»⁵ Закон о защите прав потребителей не может применяться в части, урегулированной специальным законом⁶. При этом очевидно, что расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств не может использоваться в качестве альтернативного способа реализации права потребителя отказаться от договора участия в долевом строительстве в любое время.

Ход исследования

В силу пункта 1 статьи 451 ГК существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа. Изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях.

Таким образом, для расторжения или изменения договора участия в долевом строительстве необходимо установить: а) обстоятельства, которые определяли возможность сторон на момент заключения договора исполнять его условия; б) факт изменения обстоятельств и суще-

ственный характер их изменения, который бы свидетельствовал о том, что при измененных обстоятельствах стороны, либо воздержались от заключения договора либо заключили договор, но на иных условиях; в) невозможность разумно предвидеть изменение указанных обстоятельств (то есть стороны при заключении договора полагали, что данное изменение не произойдет).

Исходя из пункта 2 статьи 451 ГК, договор может быть расторгнут, а по основаниям, предусмотренным пунктом 4 данной статьи, изменен судом по требованию заинтересованной стороны при наличии одновременно следующих условий:

1) в момент заключения договора стороны исходили из того, что такого изменения обстоятельств не произойдет;

2) изменение обстоятельств вызвано причинами, которые заинтересованная сторона не могла преодолеть после их возникновения при той степени заботливости и осмотрительности, какая от нее требовалась по характеру договора и условиям оборота;

3) исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора;

4) из обычаев или существа договора не вытекает, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Согласно позиции Президиума ВАС РФ, в силу статьи 451 ГК договор может быть расторгнут судом в случае существенного изменения обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, при одновременном наличии перечисленных в пункте 2 этой статьи условий⁷.

Анализируя пункт 2 статьи 451 ГК, хотелось бы обратить внимание на то, что подпункт 3 в силу своего содержания имеет отношение лишь к требованию об изменении договора. В связи с этим неясно каким образом возможно установить все указанные условия применительно к ситуации, когда истец заявляет требование о расторжении договора. Поэтому полагаем, что данный подпункт требует уточнения путем изложения его в следующем виде: «3) исполнение договора либо исполнение договора без изменения его условий...».

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей». *КонсультантПлюс*. Дата обращения 20.06.2023. <http://www.consultant.ru>.

⁶ Кроме того, полагаем, что право физического лица на отказ от договора, не обусловленное поведением застройщика, потенциально создает угрозу нарушения прав других участников долевого строительства в случае, если застройщик возводит объект с привлечением кредитных (заемных) средств банка. Невыполнение застройщиком в рамках кредитного соглашения обязательств по обеспечению необходимых темпов отчуждения объектов долевого строительства и, соответственно, должного объема привлечения денежных средств на счета эскроу порождает риск прекращения финансирования строительства объекта со стороны кредитной организации и, как следствие, риск приостановления строительства объекта в целом.

⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 21.01.1997 № 2267/96 по делу № 83/5.

Правовой институт существенного изменения обстоятельств является предметом многих научных изысканий. В рамках данной статьи остановимся на отдельных базовых теоретических выводах, которые, как представляется, являются основой для анализа примеров из практики, в частности связанной с расторжением договоров участия в долевом строительстве.

В статье 451 ГК не раскрывается природа обстоятельств, существенное изменение которых требуется установить. При этом автор полагает, что в контексте данной нормы речь идет об обстоятельствах, имеющих внешний характер, то есть о событиях, не являющихся прямым следствием ненадлежащего исполнения сторонами условий договора. Данная логика основана на том, что само по себе существенное нарушение условий договора стороной сделки является самостоятельным основанием для расторжения договора (пункт 2 статьи 450 ГК). Поэтому очевидно, что в статье 451 ГК имеются в виду иные обстоятельства, которые учитываются сторонами при заключении договора, так как они определяют экономический интерес участников сделки и возможность ее исполнения, но не являются результатом исполнения обязательств. По своей сути предполагается, что изменение обстоятельств не зависит ни от одной из сторон договора, но в отдельных случаях может быть связанным с действием/бездействием одной из них. При этом в первом случае указанное обстоятельство может выступать, кроме основания для расторжения договора в силу статьи 451 ГК, также основанием для прекращения обязательств в силу невозможности их исполнения (статья 416 ГК) или освобождать от ответственности вследствие своей непреодолимой силы (пункт 3 статьи 401 ГК). Но воспользоваться способами защиты, предусмотренными статьей 451 ГК, возможно, если чрезвычайное и непредотвратимое препятствие привело лишь к существенным затруднениям, а не к невозможности исполнения обязательств (Громов 2022, 19), которое предполагается при применении статей 416 и 401 ГК.

Не всегда область применения доктрины существенного изменения обстоятельств связана с какими-либо глобальными событиями. Более того, не всегда реализация способов защиты, предусмотренных ст. 451 ГК, требует, чтобы обстоятельства приводили к значительной диспропорции встречных предоставлений сторон. В ряде случаев обстоятельство может носить значительный характер для конкретного правоотношения и, например, привести к невозмож-

ности достижения той цели, ради которой возникло обязательство (Громов 2022, 20).

Основной критерий, который, как правило, лежит в основании отказа в удовлетворении требований о расторжении договора в силу статьи 451 ГК, состоит в том, что обстоятельство могло быть предвидимо сторонами при заключении сделки. Но следование лишь одному критерию предвидимости есть тупиковый путь. «Предвидеть» можно практически все, даже то, что метеорит упадет, так как они периодически падают. Речь о том, что предвидимые риски должны укладываться в допустимые «размеры» волеизъявления на заключение сделки. Например, сторона допускает, что цена может колебаться из-за валютных курсов в каких-то пределах, которые укладываются в приемлемые для нее рамки. И исходя из допустимых для нее пределов изменений, она соглашается заключить сделку. Лицо, находясь в здравом уме и доброй памяти, не будет заключать сделку, которая не просто не выгодна, а ставит крест на всем его существовании (Нам 2019, 143). В дополнение к данному справедливому мнению хотелось бы отметить, что законодатель в норме указывает не просто о предвидении, а о разумном предвидении изменения обстоятельств. Действовать и принимать решения разумно предполагает проявлять достаточную рассудительность, руководствоваться требованиями здравого смысла, не противореча ему (Евгеньева, 1999). Таким образом, при оценке критерия разумного предвидения существенного изменения обстоятельств необходимо исходить не просто из гипотетической возможности их изменения, а учитывать, конкретные доказательства, опираясь на которые сторона сделки, проявив должную внимательность, добросовестность и осмотрительность, могла здраво предвидеть (не предвидеть) изменение обстоятельств. Данный вывод находит свое отражение и в отдельных судебных актах, о чем свидетельствует следующий аргумент судов: «истец, действуя разумно и добросовестно, не имел реальной возможности выявить наличие данных обстоятельств на момент заключения договора»⁸.

Практику судов общей юрисдикции по делам о расторжении договоров участия в долевом строительстве, инициированным гражданами в связи с существенным изменением обстоятельств, нельзя назвать стабильной и предсказуемой. Анализ показал, что единого подхода

⁸ Заочное решение Раменского городского суда Московской области от 07.04.2021 по делу № 2-2056/2021.

к пониманию условий расторжения договора в данной ситуации нет. Прослеживается проблема обоснования того, почему в одной ситуации изменившееся обстоятельство может являться основанием для прекращения договорных отношений, а в другой – нет.

Преимущественно практика идет по пути отказа в удовлетворении требований о расторжении договоров на основании существенного изменения обстоятельств. Не стала исключением и сфера отношений, связанных с участием в долевом строительстве. Приведем ряд ситуаций, когда суд не усмотрел возможности расторгнуть договор в связи с существенным изменением обстоятельств:

– ухудшение материального положения участника долевого строительства или членов его семьи. Суды мотивируют свое решение следующим образом. Факт уменьшения дохода не является обстоятельством, препятствующим исполнению договора долевого участия в строительстве, поэтому, заключая договор, участник долевого строительства должен действовать добросовестно и разумно, проявить определенную предусмотрительность, уяснить для себя смысл и значение совершаемых юридически значимых действий, сопоставить их со своими возможностями, в том числе предусмотреть риски наступления негативных материальных последствий в связи с возможным изменением своего материального положения⁹;

– изменение застройщиком цен реализуемых квартир по сравнению с моментом заключения договора с истцом. В одном из дел истец настаивал на расторжении договора, аргументируя свои требования тем, что застройщик после совершения с ним сделки предлагал к продаже квартиры со скидкой в 15 % от цен, действовавших на момент заключения договора с истцом. Суд отказал в применении статьи 451 ГК, указав, что колебание цен на рынке недвижимости не признается обстоятельством, которое стороны не могли предвидеть в момент заключения договора участия в долевом строительстве¹⁰;

– уточнение площади помещения в результате его обмера по сравнению с данными,

внесенными в условия договора участия в долевом строительстве¹¹;

– прохождение через помещение не оговоренных в договоре участия в долевом строительстве инженерных сетей общего пользования¹²;

– изменение этажности дома и назначения помещений последнего этажа с нежилых на жилые¹³.

– падение курса рубля и увеличение процентных ставок по кредитам¹⁴.

Анализ судебных актов свидетельствует о том, что основной причиной отказа в удовлетворении требований является возможность предвидения истцом (участником долевого строительства) изменения обстоятельств в момент заключения договора. Вместе с этим полагаем необходимым предостеречь практику от формирования неких шаблонов, когда сложившийся подход безоговорочно применяется ко всем абсолютно ситуациям, без учета их особенностей. В частности, действительно в подавляющем числе случаев ухудшение материального положения – это предсказуемое обстоятельство. Но даже это очевидное правило может иметь иной аспект с учетом индивидуальной ситуации. Так, полагаем, что договор участия в долевом строительстве может быть расторгнут по основанию, предусмотренному в статье 451 ГК, например, если трудовые возможности лица существенным образом изменились в связи с ликвидацией организации, которую истец не мог разумно предвидеть (работая, например, в бюджетном учреждении, вероятность прекращения деятельности которого хоть и существует, но ее степень крайне мала, что дает право добросовестно считать, что оно не произойдет), а также если лицо не могло преодолеть причины, вызвавшие обстоятельство (на протяжении длительного времени гражданин не мог трудоустроиться в связи с наличием у него невостребованной специальности).

Другой причиной отказа в удовлетворении исковых требований является ошибочная оценка ситуаций, вызванных ненадлежащим исполнением обязательств по договору застройщиком (повлекших, например, изменение характеристик возведенного объекта и входящих в его

⁹ Решение Мещанского районного суда города Москвы от 03.04.2023 по делу № 2-11/2023; Решение Савеловского районного суда города Москвы от 04.05.2023 по делу № 2-4453/2023; Решение Василеостровского районного суда города Санкт-Петербурга от 25.12.2020 № 2-2895/2020.

¹⁰ Решение Одинцовского городского суда Московской области от 20.02.2023 № 2-2434/2023.

¹¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 16.05.2013 по делу № 11-12400.

¹² Апелляционное определение Самарского областного суда от 25.04.2018 по делу № 33-5093/2018.

¹³ Постановление Президиума Смоленского областного суда от 28.02.2018 № 44г-8/2018.

¹⁴ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15.03.2023 № 33-5779/2023.

состав помещений по сравнению с условиями договора участия в долевом строительстве), в качестве существенно изменившихся обстоятельств, предусмотренных статьей 451 ГК. Как было отмечено выше, в данной статье идет речь только об обстоятельствах, имеющих внешний характер, непосредственно не связанный с действиями по исполнению договора. В указанных случаях договор может быть расторгнут, но по иным основаниям, в частности предусмотренным Законом о долевом участии в строительстве, а также ГК, в частности в связи с существенным нарушением условий договора.

Отметим, что при отсутствии права участника долевого строительства отказаться в одностороннем порядке от договора необходимо обращать внимание на недопущение расторжения договора на основании произвольного волеизъявления физического лица под видом существенного изменения обстоятельств, поскольку подобные требования являются заведомо недобросовестным осуществлением прав (злоупотреблением правом).

В качестве положительной практики расторжения договоров участия в долевом строительстве в связи с существенным изменением обстоятельств отметим следующие случаи:

– продление срока строительства и передачи объекта, внесение сведений об этом в проектную декларацию. Суды указывают на то, что проектная декларация застройщика, размещенная в сети Интернет, является официальным документом, одностороннее внесение изменений в который в части, касающейся изменения такого существенного для участника долевого строительства условия договора, как срок окончания строительства, влечет за собой право участника долевого строительства на одностороннее расторжение договора участия в долевом строительстве в связи с существенным изменением обстоятельств¹⁵;

– исключение органами власти объекта из муниципальной программы строительства¹⁶;

– изменение площади объекта строительства на 39% в сторону уменьшения¹⁷;

– признание разрешения на строительство незаконным¹⁸;

¹⁵ Определение Верховного Суда РФ от 14 августа 2018 г. № 78-КГ18-33; Решение Всеволожского городского суда Ленинградской области от 12.04.2021 № 2-2506/2021(2-9365/2020).

¹⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 28.06.2016 по делу № 33-24738/2016.

¹⁷ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2021 по делу № 88-29151/2021.

¹⁸ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.02.2020 по делу № 88-2513/2020.

– техническая ошибка при составлении договора участия в долевом строительстве, выраженная в том, что согласно проектной документации система отопления в нежилом помещении предусматривалась от электрических конвекторов, а в описании договора была предусмотрена от газового котла (суд указал, что, вступая в договорные отношения с ответчиком, застройщик исходил из того, что такого изменения обстоятельств, а именно наличия технической описки в договоре относительно системы отопления, не произойдет¹⁹).

Заключение

В судебной практике не сформировано единого понимания и логики применения статьи 451 ГК в сфере участия в долевом строительстве. К сожалению, в подавляющем числе проанализированных решений не приводится аргументов и доказательств, на основании которых возможно было бы убедиться в наличии всех обязательных условий для расторжения договора, предусмотренных пунктом 2 статьи 451 ГК. Отсутствие соответствующей мотивации оставляет открытым вопрос, почему, например, ухудшение материального положения истца, как правило, является обстоятельством, которое можно предвидеть, а перенос срока ввода дома в эксплуатацию – нет. В практике не учитывается критерий опыта и знаний, определяющий возможность участника долевого строительства разумно предвидеть существенное изменение того или иного обстоятельства. Вполне очевидно, что сфера долевого строительства для большей части граждан не является предпринимательской средой, поэтому далеко не все риски, очевидные для лиц, осуществляющих профессиональную коммерческую деятельность, будут прогнозируемы для лиц, вступающих в гражданско-правовые отношения исключительно в целях удовлетворения личных и семейных интересов. В связи с этим полностью разделяем мнение в науке о том, что судам необходимо изучать статус субъекта правоотношений (Очхаев 2017, 56). В этом плане также заслуживает внимания озвученное в теории предложение о введении частных норм, конкретизирующих понятие «существенное изменение обстоятельств» применительно к тем или иным типам договоров (Пьянкова 2011, 21). Однако полагаем, что данное предложение может быть реализовано сторонами сделки самостоятельно, в диспозитивном порядке, в рамках

¹⁹ Заочное решение Пролетарского районного суда города Твери от 31.05.2018 по делу № 2-713/2018.

конкретного договора. В данном случае закон не ограничивает свободу договора, более того, статья 451 ГК прямо разрешает предусмотреть иное правило, чем указано в законе.

По своей природе существенное изменение обстоятельств предполагает возникновение событий внешнего порядка, которые влияют на исполнение договора, но не являются результатом действий стороны по его исполнению. Поэтому, например, превышение допустимого предела изменений общей пло-

щади помещения, произошедшее вследствие ненадлежащего исполнения застройщиком принятого на себя обязательства, не может рассматриваться в качестве существенного изменения обстоятельств в понимании статьи 451 ГК. Нарушение существенных условий договора не следует подменять существенным изменением обстоятельств, так как они представляют собой разные основания для расторжения договора участия в долевом строительстве.

Библиография

Громов, Андрей А. 2022. “Существенное изменение обстоятельств как основание для изменения или расторжения договора”. *Закон* 2: 18–27. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48034894>, <https://elibrary.ru/hotnyf>.

Нам, Кирилл В. 2019. “Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств”. *Вестник гражданского права* 19(6): 137–154. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2019-19-6-137-154>, <https://elibrary.ru/xgroaa>.

Очхаев, Тимур Г. 2017. *Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств*. Москва: Статут.

Пьянкова, Анастасия Ф. 2011. “Существенное изменение обстоятельств как основание изменения и расторжения договора в российском и зарубежном праве”. *Бюллетень нотариальной практики* 2: 20–22. <https://elibrary.ru/item.asp?id=16359566>, <https://elibrary.ru/ntzxtk>.

Рогова, Юлия В. 2013. “Практика применения института существенного изменения обстоятельств в условиях нестабильности экономических отношений”. *Право и экономика* 1: 19–24. https://www.jusinf.ru/internet_mag/article2470/?ysclid=lu14broxs8644040044.

Соменков, Семен А. 2010. “Прекращение договорных обязательств в связи с существенным изменением обстоятельств”. *Законы России: опыт, анализ, практика* 12: 52–58. <https://elibrary.ru/item.asp?id=15550804>, <https://elibrary.ru/nhtml>.

Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований. Под ред. А.П. Евгеньевой. 1999. Москва.

References

Evgenieva A.P. (Ed.) 1999. *Dictionary of the Russian language*: in 4 vols. Moscow. (In Russian).

Gromov, Andrei A. 2022. “Material change of circumstances as a basis for contract alteration or termination”. *Zakon = Statute* 2: 18–27. <https://elibrary.ru/item.asp?id=48034894>, <https://elibrary.ru/hotnyf>. (In Russian).

Nam, Kirill V. 2019. “Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation and the doctrine of a substantial change in circumstances”. *Civil Law Review* 19(6): 137–154. <https://doi.org/10.24031/1992-2043-2019-19-6-137-154>, <https://elibrary.ru/xgroaa>. (In Russian).

Ochkhayev, Timur G. 2017. *Modification and termination of the contract due to a significant change in circumstances*. Moscow: Statut. (In Russian).

P'yankova, Anastasiya F. 2011. “A significant change in circumstances as a basis for changing and terminating a contract in Russian and foreign law”. *Bulletin of Notary Practice* 2: 20–22. <https://elibrary.ru/item.asp?id=16359566>, <https://elibrary.ru/ntzxtk>. (In Russian).

Rogova, Yulia V. 2013. “Practice of institute of substantial change of circumstances in times of unstable economic relations”. *Pravo i ekonomika Journal* 1: 19–24. https://www.jusinf.ru/internet_mag/article2470/?ysclid=lu14broxs8644040044. (In Russian).

Somenkov, Semen A. 2010. “Contractual obligations termination related to conditions material alteration”. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* 12: 52–58. <https://elibrary.ru/item.asp?id=15550804>, <https://elibrary.ru/nhtml>. (In Russian).

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

Дата поступления: 12.04.2023
рецензирования: 20.05.2023
принятия: 27.06.2023

В.Э. Парсина Публичное акционерное общество «Сбербанк России», г. Самара, Российская Федерация

Медиация как альтернативный способ урегулирования правовых споров

Аннотация: статья посвящена общему анализу процедуры медиации в системе альтернативных способов урегулирования правовых споров. Данные способы оформились как система сравнительно недавно и на сегодняшний день являются обсуждаемой темой среди исследователей. Актуальность исследования характеризуется тем, что конфликты являются неотъемлемой частью нашей жизни. Гарантия и защита прав и свобод человека и гражданина традиционно представляются одними из приоритетных направлений для любого развитого государства. В связи с этим применение существующих альтернативных инструментов, предусмотренных правовыми нормами Российской Федерации, необходимо в качестве гарантий и защиты прав личности. Содержание проблемы исследования кроется в слабой правовой разработанности альтернативных форм разрешения споров, а также в недоверии со стороны граждан. Как результат, большая перегруженность судейского аппарата, затяжные сроки рассмотрения споров и значительные судебные издержки, которые несут стороны конфликта. Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания, метод анализа и синтеза, индукция, дедукция, а также сравнительно-правовой, формально-юридический методы и другие. В исследовании сделана попытка сформировать целостную концепцию примирительных процедур как способа разрешения правовых конфликтов. Проводится сравнение процедуры медиации с традиционными судебными способами разрешения споров, а также рассматривается процедура онлайн-медиации. Отмечаются преимущества процедуры медиации, онлайн-медиации затрагиваются отдельные проблемные моменты. Автор делает предложения по введению обязательной медиации для определенных категорий дел, сформулированы выводы и предложения по дальнейшему развитию онлайн-медиации. Практическая значимость исследования определяется общими выводами о состоянии альтернативных процедур и института медиации, онлайн-медиации предоставляющими основу для дальнейшего развития законодательства в данных сферах.

Ключевые слова: альтернативные способы разрешения споров; медиация; арбитраж; практика применения; медиативная культура; категории дел; онлайн-медиация.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов.

Цитирование: Парсина, Валерия Э. 2023. «Медиация как альтернативный способ урегулирования правовых споров». *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (2): 21–33. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-2-21-33>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Валерия Э. Парсина, 2023

Валерия Э. Парсина, юрисконсульт публичного акционерного общества «Сбербанк России», 443125, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 270 в.

e-mail: parsina13@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 12.04.2023
Revised: 20.05.2023
Accepted: 27.06.2023

Valeria E. Parsina Public Joint-Stock Company “Sberbank of Russia”, Samara, Russian Federation

Mediation as an alternative way to resolve legal disputes

Abstract: the article is devoted to the general analysis of the mediation procedure in the system of alternative ways of settling legal disputes. These methods took shape as a system relatively recently and are currently a discussed topic among researchers. The relevance of the study is characterized by the fact that conflicts are an integral part of our lives. The guarantee and protection of human and civil rights and freedoms have traditionally been one of the priorities for any developed State. In this regard, the use of existing alternative instruments provided for by the legal norms of the Russian Federation is necessary as guarantees and protection of individual rights. The content of the research problem lies in the weak legal elaboration of alternative forms of dispute resolution, as well as in the lack of trust on the part of citizens. As a result, there is a large overload of the judicial apparatus, lengthy dispute resolution periods and significant legal costs incurred by the parties to the conflict. The methodological basis of the research is the dialectical method of cognition, the method of analysis and synthesis, induction, deduction, as well as the comparative legal method, the formal legal method and others. The study attempts to form a holistic concept of conciliation procedures as a way to resolve legal conflicts. The mediation procedure is compared with traditional judicial dispute resolution methods, and the online mediation procedure is also considered. The advantages of the mediation procedure are noted, and individual problematic points are touched upon in online mediation. The author makes proposals for the introduction of mandatory mediation for certain categories of cases, formulated conclusions and suggestions for the further development of online mediation. The practical significance of the study is determined by the general conclusions about the state of alternative procedures and the institution of mediation, online mediation providing a basis for further development of legislation in these areas.

Key words: alternative dispute resolution methods; mediation; arbitration; application practices; mediation culture; categories of cases; online-mediation.

Conflict of interest: the author declared no conflicts of interest.

Citation: Parsina, Valeria E. 2023. "Mediation as an alternative way to resolve legal disputes". *Juridical Analytical Journal* 18 (2): 21–33. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-2-21-33>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Valeria E. Parsina, 2023

Valeria E. Parsina, legal adviser of Public Joint Stock Company "Sberbank of Russia", 270 v, Moskovskoye shosse, Samara, 443125, Russian Federation.

e-mail: parsina13@mail.ru

Введение

Конфликты являются неотъемлемой частью нашей жизни. Гарантия и защита прав и свобод человека и гражданина традиционно представляются одними из приоритетных направлений для любого развитого государства. В связи с этим применение существующих альтернативных инструментов, предусмотренных правовыми нормами Российской Федерации, необходимо в качестве гарантий и защиты прав личности. В российской правовой системе внесудебные формы разрешения споров набирают все большие обороты в практике применения. Слабо выработанный теоретико-правовой анализ, направленный на установление не только понятия, значения и порядка осуществления, но и сферы действия той или иной альтернативной процедуры, затрудняет сторонам выбор конкретного способа разрешения спора. В наши дни гражданское судопроизводство является дорогостоящим, формальным и длительным для участников спора. Поскольку с каждым годом наблюдается тенденция увеличения нагрузки на судебную систему, государство, в свою очередь,

должно разрабатывать ряд мер по оптимизации института правосудия. Решение данной проблемы возможно посредством активного внедрения института медиации, поскольку зарубежная практика такого способа демонстрирует положительные результаты. Государство делегирует часть своих полномочий в отдельных сферах различным институтам гражданского общества, предоставляя тем самым самостоятельность в установлении субъектами правоотношений определенных правил поведения, а также возможность контроля их соблюдения. Сама по себе проблема снижения нагрузки на суды является сверхактуальной применительно не только ко всей российской судебной системе в целом, но и к деятельности отдельно взятых судов. Вопросы популяризации примирительных процедур на сегодняшний день нуждаются в детальной проработке, уровень их эффективности должен развиваться с учетом правоприменительной практики. Нельзя не отметить значимость применения альтернативных процедур и для сохранения между сторонами партнерских отношений.

Понятие и сущность медиации как альтернативного способа разрешения споров

В Российской Федерации судебная форма разрешения споров является основной. Действующая судебная система не обладает достаточно быстрыми сроками разрешения споров, а длительное рассмотрение обжалуемых судебных актов приводит к разрушению и прекращению партнерских отношений. Часто в итоговых судебных актах возникает вопрос об их толковании, поскольку они содержат противоречивые или технически неисполнимые положения.

Процедура медиации известна мировой практике достаточно давно, однако отечественные правоведы стали уделять ей внимание лишь с принятием в стране Федерального закона № 193-ФЗ от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о процедуре медиации)¹, закрепляющего определение понятия «процедура медиации», но не раскрывающего при этом термин «медиация».

Наука и литература предлагают большое разнообразие подходов к трактовке понятия «медиация». В прямом смысле «медиация» является посредничеством, в связи с этим возникают проблемы разграничения терминов «посредничество» и «медиация». Пояснительная записка к первой редакции Проекта Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» указывает на то, что понятие «посредничество» стоит понимать как родовое, термины «медиация» и «судебное примирение» выступают в качестве специальных по отношению к нему².

Если говорить о посредничестве, то его главное отличие от медиации заключается в том, что действия посредника направлены не на разрешение конфликта, а на его урегулирование с применением различных способов: решения-компромиссы, взаимные уступки и соглашения, основанные на добровольности, самостоятельности и сотрудничестве. Также у посредника есть возможность давать рекомендации и оказывать воздействие на участников к принятию

определенного решения. Медиатор в свою очередь такими полномочиями не обладает, поскольку это будет противоречить основным принципам. Таким образом, посредничество следует понимать шире медиации. Литература предлагает понимать медиацию и посредничество как равнозначные, хотя на практике это разные явления.

Юридическая литература выделила несколько подходов, которые помогут определить сущность медиации.

1. Первый подход, он же нормативный, предлагает определять медиацию как мирный способ урегулирования конфликта.

2. Функциональный подход определяет медиацию как комплекс тактических приемов и способов для достижения общего решения.

3. Процедуры обмена информацией и переговоров сторон являются составляющими коммуникативного подхода.

4. Консультативный подход заключается в самом содержании процедуры медиации, то есть в урегулировании спора.

5. Психологический подход, согласно которому происходит переосмысление и устранение причин возникновения спора, в процессе его разрешения.

Как правило, давая определение медиации, авторы указывают на участие в процедуре независимого лица, не обладающего функциями по урегулированию спора, поскольку стороны сами разрешают спор. В свою очередь С.К. Загайнова отмечает, что под медиацией следует понимать альтернативный способ разрешения правовых конфликтов, в основе которого заложена определенным образом организованная процедура переговоров, основанная на применении специальных техник коммуникаций (Загайнова 2009, 195).

Под процедурой медиации, по мнению О.В. Исаенковой, следует понимать процедуру разрешения споров с участием медиатора, в основе которой лежит добровольное согласие сторон для достижения ими взаимоприемлемого решения, отражающегося в медиативном соглашении (Исаенкова 2013, 117). Немаловажный нормативно-правовой акт, регулирующий процедуру медиации, – Директива ЕС 2008/52, она под медиацией понимает вообще любой процесс, независимо от его обозначения, в котором две или более стороны с целью достижения соглашения о разрешении их спора и вне зависимости от того, был ли этот процесс инициирован сторонами, предложен или назначен судом

¹ Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ. 2010. *Собрание законодательства Российской Федерации* 31. Ст. 4162.

² Пояснительная записка к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур». 2012. *Вестник гражданского процесса* 6: 200–204.

или предписывался национальным законодательством³. Определяя сущность медиации, стоит отметить, что это такой способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого результата (Калашникова 2010, 3).

Медиация – процедура достаточно комплексная, включающая в себя несколько компонентов, а именно, переговоры сторон по поводу спорного вопроса и непосредственно деятельность самого медиатора по разрешению конфликта. При обращении к посреднику стороны конфликта заинтересованы в установлении между собой психологического контакта, найти точки соприкосновения, этому способствует спокойная обстановка, в которой происходит урегулирование спора. У участников конфликта есть возможность сохранения дружеских отношений и прийти к согласию мирным путем. Тем самым процедура медиации снижает риски принятия неблагоприятных решений для сторон, а соглашения, достигнутые при помощи посредника, обязательными для исполнения не являются.

Таким образом, отличительными признаками медиации как альтернативной процедуры разрешения споров выступают разнообразие подходов к пониманию самого термина, а также его содержанию. Факторы, усложняющие выработку единого понятийного аппарата, связаны с неурегулированностью правил, стандартов процедуры медиации и отсутствием разнообразной практики. Безусловно, институт медиации необходимо развивать и практиковать, с соответствующим правовым регулированием и пониманием самой процедуры.

Принципы медиации

Для более точного понимания и уяснения такого сложного явления необходимо разобраться с принципами медиации. Через принципы медиации раскрываются такие важные составляющие процедуры, как: порядок ее реализации и социальное назначение. На данный момент предлагается множество классификаций принципов по различным основаниям, но основополагающими являются: принцип беспристрастности и независимости медиатора, равенства сторон, конфиденциальности и добровольности.

Независимость – объективная категория, которая представляет отношение медиатора

к спору, подлежащему урегулированию. Это такое условие работы медиатора и корпорации медиаторов, выраженное в неподчиненности медиаторов и их организаций государственным органам. Вся история развития профессиональных корпораций продемонстрировала несостоятельность идеи создания «государственных медиаторов». Беспристрастность, в свою очередь, представляет собой субъективное отношение медиатора к конфликту сторон. Европейский кодекс поведения медиатора указывает, если конфликт, подлежащий рассмотрению, пересекается с личными интересами медиатора, следует прекратить процедуру медиации⁴. Все эти меры направлены на избежание ухудшения деловой репутации медиатора, а также для того, чтобы исход спора не был определен заранее.

Российский гражданский процесс не стоит на месте, в доказательство этому можно сказать о принципе, который существует только в нашей стране, а именно о равенстве сторон. В ходе проведения медиации стороны в равной степени выбирают посредника и сам порядок примирительной процедуры, могут в равной степени встречаться с медиатором, все это является основой для применения такого принципа.

Конфиденциальность – достаточно сложное явление, поэтому предлагается различать ее на виды. В теории сложилось мнение, что она бывает нескольких типов: медиатора и сторон. Медиатор как сторона незаинтересованная не может распространять сведения, полученные от сторон, если они не дали на это разрешения, поэтому ему свойственна специальная конфиденциальность. Медиатор не может выступать в суде в качестве свидетеля по рассматриваемому им спору, чтобы сохранить целостность самого процесса медиации. Конфиденциальность сторон, в свою очередь, также имеет определенную специфику: стороны сами выбирают вариант поведения, а именно предавать огласке информацию, ставшую известной на медиации или нет.

Немаловажным принципом процедуры медиации является сотрудничество, в основе которого кроется вся суть процедуры медиации, поскольку ни у одной из сторон спора нет процедурных преимуществ, тем самым они наделяются равными правами как в выборе медиатора, определении правил проведения медиации, так и на доступ к информации и условиям соглашения. Однако если по соглашению сторон или законом подразумевается обязательный порядок примирительной процедуры, то

³ Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2008/52/ЕС от 21.05.2008 “О некоторых аспектах посредничества (медиации) в гражданских и коммерческих делах”. Директива на русском языке подготовлена для публикации в системах *КонсультантПлюс*.

⁴ Европейский кодекс поведения медиатора (принят в г. Брюсселе 20.07.2004). ИПС “Гарант”.

в данном случае такое участие не возлагает на стороны обязательного примирения. Сторонам предлагается рассмотреть возможные способы примирения и отказаться от разбирательства в суде в период определенного срока. Следует отметить, что реализация такого принципа происходит посредством активных действий сторон, выраженных в поиске альтернативы, которая в конечном итоге будет устраивать участников конфликта. Особенность кроется в том, что стороны не обосновывают и не доказывают свои требования и возражения.

В завершение нельзя не упомянуть о принципе добровольности. Медиативный процесс определяется как сугубо добровольная процедура, поэтому его проведение может осуществляться только по обоюдному волеизъявлению сторон. При отсутствии желания участников медиация не состоится. На практике бывают ситуации, когда существует уверенность в том, что обращение к медиатору не принесет нужного результата, в связи с этим оперируют таким понятием, как «немедиабельность» споров. Для медиатора, как специалиста и переговорщика с устойчивыми моральными принципами и высоким правосознанием очень важно учитывать, в каких случаях проведение медиации для него будет невозможным. Медиация должна быть прекращена, когда сущность конфликта будет противоречить его жизненным принципам (Калашникова 2011, 15).

Наряду с рассмотренными выше принципами зарубежные авторы предлагают выделять принцип ответственности. На основании данного принципа сторонам медиации предлагается широкий перечень возможностей: самостоятельно представлять свои интересы и вести переговоры. Деятельность медиатора выражается только в предоставленных ему процессуальных полномочий с возложением на стороны задачи по конструктивному поиску «индивидуального решения» (Шлиффен 2005, 3–20). Посредник не вправе давать советы сторонам о том или ином решении по существу спора. На сторонах конфликта лежит ответственность за результат медиации.

Как мы видим, одними из важных составляющих процедуры медиации выступают принципы медиации, ведь именно с их помощью медиатор будет оказывать профессиональные услуги, а также помогать сторонам урегулировать спор.

Процедура медиации находится в начале своего становления, ее последующее развитие должно основываться на принципах, которые выступают основными началами, а также с

учетом этого формировать свое понимание на такое относительно новое явление.

Специфика проведения процедуры медиации

Медиативный процесс в Российской Федерации обладает строгой правовой регламентацией, что является одной из особенностей данной процедуры. Законодательство о медиации дает четкое понимание, по каким спорам возможно проведение процедуры медиации, закрепляет требования к медиатору, ответственность медиатора, а также условия прекращения медиации и информацию о саморегулируемых организациях.

Стоит отметить, что к коллективным трудовым и публично-правовым спорам медиация в России не применяется. В то же время зарубежный опыт показывает, что медиация является отличным способом при урегулировании многосторонних споров, например в США и Канаде, а вот в разрешении споров, связанных с публично-правовыми отношениями, медиация распространена в Голландии, Германии и США (Кэрролл, Мэри 2012, 31).

Что касается деятельности саморегулируемых организаций, то Закон о медиации наделяет их функцией контроля за медиативной деятельностью членов данной организации (пункт 9 статьи 19), притом Законом не предусмотрено санкций за нарушение и несоблюдение правил данной процедуры, а это приводит к тому, что их деятельность остается бесконтрольной. Такие пробелы в законодательстве тормозят развитие медиации, поскольку граждане, обратившиеся к недобросовестному медиатору, в будущем не желают прибегать к процедуре медиации из-за негативного опыта в прошлом. По мнению американских исследователей, медиация выступает комплексным процессом, в котором урегулирование спора происходит самими сторонами.

Обратиться к процедуре медиации можно на любом этапе рассмотрения спора. Возможно несколько вариантов инициирования медиации:

1) обращение одной из сторон, где одна из сторон конфликта выступает с соответствующей инициативой, далее медиатор анализирует сущность конфликта и дает заключение о возможности проведения процедуры медиации, если медиация возможна, то медиатор может привлечь вторую сторону спора;

2) обе стороны спора желают прибегнуть к медиации;

3) суд предложил обратиться к процедуре медиации. На сегодняшний день, законом не

регламентировано проведение обязательной медиации, однако у суда есть право рекомендовать сторонам урегулировать спор с помощью медиации, более того, суд может предоставить сторонам соответствующую информацию о медиаторах. Рассмотрение спора может быть отложено, если стороны решат обратиться к медиации;

4) проведение медиации по инициативе медиатора. Медиатор, владея информацией о споре, может сам предложить сторонам урегулировать конфликт с помощью медиации. Фигура медиатора при разрешении спора очень важна, ведь именно он задает ход всему процессу. Выступая организатором, он должен правильно выстроить переговоры сторон. Не менее важным для медиатора является навык активного слушателя для конфликтующих. Медиатор должен учитывать две составляющие диалога сторон: содержательную и эмоциональную, показывая им, что он услышал, а самое главное, понял их претензии. Важно, что ответственность за принятое решение лежит именно на медиаторе.

Стоит отметить, что рассмотрение спора не ограничивается одним медиатором, по согласию сторон их может быть несколько. По согласию сторон может быть выбрана организация, предоставляющая услуги медиаторов, которая рекомендует определенного специалиста или сама назначает медиатора. Медиатор должен быть независим от сторон, объективен при рассмотрении спора, а также не заинтересован в исходе дела.

Доктрина выделяет определенные модели проведения медиации. В отечественной и зарубежной литературе существует множество моделей проведения медиативной процедуры.

Традиционная модель медиации. Назначение медиатора в такой модели кроется в организации процесса переговоров. Сама процедура направлена на урегулирование спора таким образом, чтобы достичь результата, подходящего для всех сторон. Данный подход требует от медиатора обладания особыми полномочиями по урегулированию спора.

Оценочная медиация – процедура, направленная на урегулирование спора путем заключения соглашения, максимально приближенного к вероятному судебному решению по данному делу. Особенностью этой модели является то, что медиатор не только организует процесс переговоров, но и вправе высказывать свое мнение по содержанию спора.

Основной целью терапевтической модели медиации является восстановление друже-

ственных отношений сторон. Для применения данной модели медиатор должен обладать знаниями в области психологии и конфликтологии, которые необходимы для создания условий нормальной коммуникации участников спора.

Медиатор и участники конфликта оказывают продолжительное влияние друг на друга в процессе диалога, и медиация выглядит как процесс, в котором стороны излагают свой взгляд на происходящее, – все это составляющие нарративной модели.

Модель медиации, ориентированной на решение проблем, применяется в тех случаях, когда присутствует концентрированность на интересах людей, а не на позициях. Различные модели медиации осуществляются в зависимости от особенностей предметной области, поведения объекта и субъектов конфликтных ситуаций и общественных отношений. Одной из главных обязанностей медиатора является умение правильно подобрать модель медиации под каждый конкретный спор на основании своих профессиональных компетенций.

Порядок проведения процедуры и сроки медиации оговариваются соглашением сторон. Стороны могут предусмотреть возможность самостоятельности медиатора при определении порядка процедуры, но в пределах закона и условий соглашения (Климентов 2011, 304).

Разумным сроком рассмотрения дела с помощью медиации считается 60 дней, однако по соглашению сторон сроки могут быть продлены. Предельные сроки ограничены законом в 180 дней, если дело не дошло до суда, и 60 дней, если начато судебное или третейское разбирательство. Итог медиации – это решение о прекращении процедуры. Оно принимается вне зависимости от результата. Стоит сказать, что у медиатора нет права давать консультации по правовым вопросам, поскольку медиативная деятельность не является предпринимательской. В связи с этим сторонам рекомендуется обращаться в соответствующие консультирующие органы. Ответственность за результат процедуры, а также исполнимость соглашения лежит на сторонах. Медиатор же не несет ответственности за договоренности, к которым пришли стороны во время процедуры.

По окончании медиации медиатор сообщает сторонам о завершении процедуры, а также выражает благодарность сторонам за проделанную работу, задает уточняющие вопросы с целью выяснения у сторон удовлетворенности результатами. Если у сторон остались неразрешенные вопросы, необходимо вернуться к медиации и пересмотреть данные пробелы.

Важно учитывать, что успех процедуры медиации во многом зависит от сторон конфликта, поскольку их воля и желание разрешить спор мирно выступают ключевым фактором.

У процедуры медиации в России особый путь становления и развития, который нашел свое отражение в ее специфике, несмотря на законодательное закрепление некоторых аспектов, у медиатора есть свобода действий, но при этом сам медиатор менее защищен, так как пока нет объединений, которые бы контролировали данную процедуру.

Таким образом, можно сделать вывод, что медиация является динамичным, интерактивным, структурированным процессом, в котором нейтральный, независимый субъект в лице медиатора способствует противостоящим друг другу сторонам в поиске оптимального решения для урегулирования конфликтной ситуации и разрешения спора посредством специализированных коммуникативных, психологических и иных методов ведения переговоров.

Подводя итог, можно сказать: чтобы стороны в дальнейшем продолжали сотрудничество, медиатору необходимо предпринять все необходимые для этого меры, обеспечить открытый диалог между участниками, произвести оценку мнений сторон.

Онлайн-медиация как одна из альтернативных форм урегулирования спора

На протяжении последних десятилетий по всему миру идет активная цифровая революция – глобальная информатизация и переход в цифровое пространство всех сфер социально-правовой жизни общества. Повсеместное внедрение и активное использование компьютерных технологий, высокоскоростной доступ в Интернет из любой точки мира, искусственный интеллект, нейросеть – реальность современности. Электронный документооборот постепенно заменяет бумажные носители, социальные сети, мессенджеры и видеосвязь встают на одну ступень с реальным общением между людьми.

Цифровизация указывает на потребность в обращении к электронным помощникам. Не является исключением и медиация. С каждым днем растет количество обращений сторон к медиатору для проведения онлайн-медиации. После вспышки пандемии COVID-19 многие посреднические мероприятия проводились в режиме онлайн.

На данный момент нет единой терминологии, касающейся урегулирования конфликтов в интернет-пространстве. Причиной тому является факт относительно недавнего применения

современных технологий в разрешении споров. Данный метод в России только начинает свое развитие. Такие авторы, как Ц.А. Шамлиакашвили и С.С. Шуренкова, уделяют особое внимание изучению такого явления, как онлайн-медиация.

Онлайн-медиацию можно понимать как совокупность знаний и методов по урегулированию конфликтов при помощи новейших интернет-технологий (Климентов 2018, 76–78). Онлайн-медиация часто именуется как: электронное разрешение споров, интернет-разрешение споров, онлайн-альтернативное урегулирование споров и электронно-альтернативное регулирование споров.

Применительно к онлайн-посредничеству в английском языке существует термин «онлайн-урегулирование (разрешение) споров» (ОРС), что означает применение интернет-технологий при разрешении споров с соблюдением основных принципов процедуры.

Первые шаги по проведению онлайн-медиации предпринимались США в 1996 году, а уже к 2003 году в стране насчитывалось более 40 интернет-порталов, которые специализировались на подобных услугах. К онлайн-посредничеству по большей части обращаются по спорам, касающимся доменных имен сайтов. Принятая профильной организацией по доменным именам (ICANN) «Политика урегулирования споров в сфере доменов», которая обеспечивает защиту владельцам торговых брендов от захвата доменного имени, является главным примером в этой сфере.

Великобритания использует систему RTA PI Claims Portal⁵, которая занимается урегулированием конфликтов по возмещению вреда жизни, здоровью, имуществу вследствие дорожно-транспортных происшествий, а также разрешает страховые, медицинские и налоговые споры. Такая программа дает возможность онлайн-медиатору предложить сторонам нейтральную форму для проведения переговоров и достижения взаимоприемлемого решения, а участникам конфликта – обменяться претензиями в досудебном порядке. Смолянинова О.Г. под процедурой онлайн-медиации понимает «процесс разрешения конфликтов при помощи медиатора с использованием дистанционных технологий, сохраняющих базовые принципы медиативной процедуры, закрепленные в Стандартах восстановительной медиации (добровольность, информирован-

⁵ Авдыев, М.А. 2015. «Сервисы разрешения споров онлайн: избранные кейсы». *Современные технологии управления* 8 (56). Дата обращения 26.03.2023. <http://sovman.ru>.

ность, нейтральность, конфиденциальность, ответственность, заглаживание вреда обидчиком, самостоятельность служб примирения), и учитывающих статус участников процесса, этническую принадлежность и возрастную категорию» (Смолянинова, Алексеева, 2023, 233–243). Видео-конференц-связь, электронная почта и чаты являются распространенными методами онлайн-посредничества наряду с интернет-платформами. При применении таких современных методов у медиатора и участников конфликта появляется возможность урегулировать спор вне зависимости от местонахождения. Разрешение конфликтных ситуаций посредством онлайн – достаточно эффективный способ, который можно использовать для достижения положительного результата сторонам спора.

Цифровизация вносит коррективы в процедуры разрешения споров, выдвигая новые требования к правоведам. Разрешение споров онлайн в настоящее время применяется как дополнительная опция, частично из-за консервативности судебных и законодательных систем в разных странах. Необходимо развивать законодательную базу по регулированию вопросов альтернативного разрешения споров, чтобы добиться частого обращения к применению процедуры онлайн-медиации и интернет-технологий при урегулировании споров.

В России онлайн-посредничество делает только первые шаги. Однако в настоящее время практически нет платформ, которые бы занимались услугами такого рода, а если они и есть, то только по семейной медиации. Недостаточное распространение традиционной медиации и полная уверенность сторон в своей правоте, которая выражается в отрицании привлечения в спор нейтральной стороны, выступают одними из факторов невостребованности такого способа урегулирования споров.

Для того чтобы онлайн-медиация получила большее распространение, нельзя забывать и об активной работе с населением и специалистами, для того чтобы создать благоприятную и подготовленную для использования информационных технологий общественную среду. Чтобы процесс внедрения онлайн-посредничества проходил более гладко, на наш взгляд, также следует провести всесторонний анализ эффективных зарубежных информационных систем и решений. Рассказать сторонам спора о преимуществах онлайн-медиации, которые выражаются в дополнительной возможности урегулировать спор и высокой конфиденциальности.

Необходимо создать цифровую службу медиаторов, которая еще до начала процедуры будет предоставлять всю необходимую информацию, поможет определиться с медиатором, а также будет координировать процедуру медиации в режиме реального времени. Отличительной чертой такой службы будет выступать высокая степень конфиденциальности, а процедура медиации будет видна исключительно участникам спора.

Медиаторы смогут отслеживать процесс медиации, а при работе с медиатором весь процесс будет представлен в цифровом виде – треке медиации. В рамках электронного договора к такому треку пользователь при необходимости сможет привлечь других медиаторов. Также пользователь будет иметь возможность сохранить информацию о ходе процедуры медиации.

Подводя итог вышеизложенному, можно с уверенностью сказать, что с помощью искусственного интеллекта вероятность ускорить рассмотрение споров становится все выше. Онлайн-посредничество может стать востребованным не только в нашей стране, но и за рубежом, если стороны являются иностранными лицами. Следует сказать, что онлайн-медиация выступит в качестве помощника, с помощью которого можно выполнить такие функции, как: онлайн-подбор подходящего медиатора, определение категории спора, разрешение спора без привязки к местонахождению сторон. Электронная система онлайн-посредничества, обладающая искусственным интеллектом, должна быть запрограммирована таким образом, чтобы ее деятельность базировалась на принципах беспристрастности и независимости медиатора, равенства сторон, конфиденциальности и добровольности. Внедрение и применение искусственного интеллекта в рамках процедуры медиации обеспечит выполнение более эффективной и оперативной работы по урегулированию спора между участниками. Мы уверены, что по мере развития ИТ-технологий онлайн-медиация получит более широкое применение.

Организационно-правовые аспекты онлайн-медиации при разрешении конфликта

Концепция перехода человеческих личных отношений в сферу киберпространства в современной действительности наблюдается все чаще и чаще, а применение онлайн-посредничества становится все шире. С принятием в 2010 г. Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника

(процедуре медиации)» (далее – Закон о процедуре медиации)⁶ посредничество приобрело упорядоченный и единообразный характер, основное его назначение – «создание правовых условий для применения в Российской Федерации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации), содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений», а предметом был обозначен широкий круг публичных правоотношений – «гражданские, административные и иные». Статья 5 Закона о медиации закрепляет положение о ее конфиденциальности, поскольку именно она выступает основой среди организационных начал медиативной процедуры. В соответствии со статьей 9 медиатор должен быть членом специализированной организации, занимающейся предоставлением услуг по процедуре медиации, либо из числа заслуживающих уважение и обладающих высоким профессиональным статусом в соответствующей сфере юриспруденции, либо из третьих лиц. Несомненно, на сегодняшний день положения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» 2010 г. актуальны и действенны, но все же они нуждаются в обновлении. В 2020 году практически во всем мире, в том числе и в России, началась пандемия коронавируса, COVID-19, которая выступила фактором акселерации онлайн-медиации, то есть перевода ее в дистанционный формат.

Традиционная медиация схожа с процедурой онлайн-медиации. Отличительной чертой онлайн-медиации является факт виртуального общения при помощи различных платформ, то есть участники спора и медиатор не взаимодействуют друг с другом физически. Подача документов осуществляется с помощью зашифрованных облачных платформ, доступных через Интернет, разрешение самого спора проводится по видео- или телеконференциям.

Если стороны пришли к решению разрешить спор посредством онлайн-медиации, то нужно соблюсти ряд правил для ее проведения. В случае если встреча будет проводиться онлайн, медиатору следует решить вопрос о том, как стороны передадут друг другу документы, нужно ли протестировать технику на факт ее работоспособности и входа в Интернет.

⁶ Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ. 2010. *Собрание законодательства Российской Федерации* 31. Ст. 4162.

Медиатору рекомендуется рассказать о правилах общения в чате:

1) передаваемая информация должна быть краткой и понятной;

2) установить сроки обратной связи, передачи реакции о получении информации, документов, а также сам порядок обмена документов.

На случай, если будут перебои в интернет-трансляции или возникнут технические сложности, мешающие проведению процедуры, медиатору следует проговорить общие действия всех сторон. Во время подготовки к медиативному слушанию сторонам могут не включать камеры, а вот во время самого слушания лучше, чтобы все участники были с включенной видеокamerой. Стороны спора должны именоваться в соответствии с их реальными ФИО, а медиатору необходимо проследить, чтобы все короткие и вымышленные имена были исправлены.

Участникам надлежит освоить работу с конфиденциальностью в формате онлайн. Медиатору необходимо прорабатывать вопросы безопасного, конфиденциального пространства для всех участников переговоров.

Без сомнения, главным достоинством онлайн-медиации можно назвать виртуальное общение, предоставляющее возможность сторонам в короткие сроки урегулировать свой спор. Ведь именно виртуальное общение не требует совпадения свободного времени под графики работы и занятости, затрат на поездки для личного общения, тем более если речь идет о дальних расстояниях, в некоторых случаях, когда спор между сторонами находится в острой стадии и встречи «вживую» могут сыграть роль катализатора и привести к состоянию открытого конфликта – от взаимных оскорблений до рукоприкладства и причинения телесных повреждений, и т. п. Медиаторы заинтересованы в создании благоприятной обстановки, чтобы стороны чувствовали себя уверенно в процессе онлайн-встреч. Юридическая практика последних лет показывает, что медиаторы, разрешая крупные коммерческие споры, пользуются специально созданными сервисами, разработанными именно для проведения медиации в формате онлайн. В Англии, например, существует такой сервис, его название Orus 2, он применяется медиаторами для проведения медиации в режиме «цифры». Примечательно, но данный сервис не является уникальным и единственным. Наряду с ним есть видеоплатформа ODR.com, предназначенная для организации арбитража и как раз медиации онлайн. Более того, изначально эти платформы создавались для разрешения споров в области коммерции. На российском рын-

ке активное развитие онлайн-платформ для медиации началось с 2022 года. Именно этот год знаменателен созданием таких видеоплатформ, как Webinar и TrueConf, которые уже показали свой потенциал в урегулировании споров и могут создать достойную конкуренцию зарубежным технологиям.

Однако у онлайн-медиации есть целый ряд рисков организационного и правового характера. Выделим основные из них.

1. Сложности в общении. Одной из главных проблем проведения процедуры медиации онлайн является то, что между сторонами нет реального контакта, поэтому для медиатора является очень сложной задачей установить эффективную коммуникацию между сторонами. Это актуально тогда, когда участники спора никогда до этого момента не общались или не было реальных взаимодействий.

Сюда же можно отнести и такой фактор, как перебои в интернет соединении. В такой ситуации возникает смещение фокуса внимания в области получения и донесения информации до участников процесса, как следствие – отсутствие четкой стратегии относительно разрешения спора.

Такие трудности могут привести к тому, что управление эмоциями, установление связи и диалог во время переговоров становятся нелегкой задачей для медиатора, а значит, станет крайне затруднительно создать обстановку для сближения позиций сторон. В конечном итоге это все может привести к отказу сторон продолжать процесс онлайн-медиации, а доверие к медиатору и вовсе пропадет. Как упоминалось ранее, главная задача процедуры медиации – это умение слышать и видеть участников процедуры, которое помогает понять их психологическое состояние, а также предложить помощь в проработке эмоций.

2. Конфиденциальность. Одним из ключевых вопросов в организации онлайн-посредничества выступает вопрос о сохранении конфиденциальности. Конфиденциальность выражается во взаимной договоренности и сторон, и медиатора не разглашать происшедшее во время процесса. На сегодняшний день смысл данного принципа состоит в следующем: медиатор не вправе разглашать информацию, относящуюся к процедуре медиации и ставшую ему известной при ее проведении, без согласия сторон. Одним из наиболее важных преимуществ медиации как альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника является то, что стороны сами выбирают вариант поведения, а именно предавать огласке инфор-

мацию, ставшую известной на медиации, или нет, а также правила, которые стороны могут соблюдать по отношению к своему спору. Процедура медиации в формате онлайн размывает границы секретности, которые стороны могут соблюдать в отношении своего спора, в отличие от традиционной медиации.

Вопрос сохранности данных является ключевым при проведении онлайн-медиации. Этот вопрос связан с тем, что в организации онлайн-медиации принимают участие и лица, не являющиеся сторонами конфликта: помимо медиатора и представителей сторон, это и технические специалисты, обеспечивающие работоспособность платформы, при необходимости секретари и переводчики, а также провайдер платформы для видеоконференции, который может получить доступ к данным участников.

Поэтому на практике в целях сохранности данных стали прибегать к процедуре, где все участники медиации и ее организаторы обязаны подписывать соглашение о запрете раскрывать всю полученную информацию в ходе медиации. Участникам медиации также необходимо согласовать, какую техническую платформу они будут использовать для онлайн-слушания, можно ли записывать видеозвонки.

Более того, на снижение надежности этого процесса влияет и такой фактор, как расширение мира Интернета, сопровождающийся различными способами взлома данных, их кражи и утечки.

3. Результативность. В традиционной медиации участники спора находятся в постоянном взаимодействии с медиатором, который помогает облегчить общение между ними, и с помощью обсуждений и переговоров достигают взаимоприемлемого решения, которое впоследствии будет обязательным для сторон. В онлайн-медиации существует неясность в отношении медиативного соглашения, например, если одной из сторон спора предоставляется отсрочка подписания соглашения, возникает риск, что за это время одна из сторон в итоге откажется или передумает идти на компромисс. По итогу складывается противоречивая ситуация, в которой, с одной стороны, переговоры с участием посредника завершились успехом и стороны пришли к определенным договоренностям, а с другой – реальный результат так и не наступил, как следствие, спор остался неразрешенным; конфликт не разрешился, однако медиатор свою функцию выполнил.

Нельзя не отметить, что виртуальное пространство вносит коррективы в основные принципы медиации, а именно – усиливает

нейтральность медиатора, так как выбор не ограничивается территорией проживания потребителя услуг и отсутствует личный контакт; добровольность оформляется с момента принятия согласия на обработку данных и принятия принципов на начальном этапе работы цифровой платформы; возможно нарушение конфиденциальности из-за технических проблем.

Обобщая изложенное, можно сказать, что медиатору очень важно соблюдать все правила и рекомендации по подготовке к онлайн-медиации, ведь она сама по себе имеет ряд преимуществ перед традиционной медиацией, которая предполагает личные встречи всех субъектов спорного правоотношения. Становится ясным, медиаторы в своей деятельности будут все чаще сталкиваться с онлайн-медиацией. Поэтому очень важно учитывать ее особенности, соблюдать процедуру подготовки к ней, а также создать все условия для ее успешного проведения на заранее выбранной видеоплатформе, которая будет обеспечивать конфиденциальность медиативных переговоров. Следует отметить, что положения, нашедшие свое отражение в нормах Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» 2010 г., нуждаются в обновлении, поскольку не содержат нормы и правила онлайн-посредничества, регулирующие вопросы организации и проведения онлайн-медиации, а также правового значения действий, совершаемых в таком формате. Для этого необходимо изучать вопросы и проблемы, связанные с этой темой, обобщать и систематизировать с целью дальнейшего использования законодателем при совершенствовании норм данного правового института.

На сегодняшний день развития медиации, цифровых технологий и общества в целом мы предлагаем следующие дополнения в нормативно-правовые акты.

1. На федеральном уровне: законодательно закрепить право проведения онлайн – медиации, обеспечить защиту персональных данных и конфиденциальность предоставленной информации (например, через портал «Госуслуги»).

2. На уровне регионов создать утвержденный список платформ, на которых рекомендуется проводить обучение по информационным (цифровым) компетенциям онлайн-медиации для медиаторов.

Анализ всего вышесказанного наводит нас на очевидную мысль о необходимости четкой, а главное, единой стратегии организации процесса онлайн-медиации. На сегодняшний день

У онлайн-медиации есть большой потенциал для ее дальнейшего развития, а ее перспектива проявляется прежде всего в отсутствии личных встреч сторон спорного правоотношения, экономии времени и издержек по организации самой процедуры, но в то же время требует строгого соблюдения всех условий, в силу того что при онлайн-формате является сложным обеспечивать требование конфиденциальности переговоров. Мы считаем, что онлайн-медиация послужит хорошим способом развития для традиционной медиации, поэтому не стоит понимать онлайн-разрешение споров в качестве метода, противостоящего медиации.

Выводы

На основе анализа альтернативных способов урегулирования споров можно сказать, что на сегодняшний день система альтернативных способов разрешения споров набирает все большие обороты в практике применения. Об этом, прежде всего, свидетельствует законодательная база, регулирующая АРС: Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Сама по себе система АРС, по нашему мнению, не нуждается в глобальных изменениях, а лишь в небольшой терапии, устраняя существующие пробелы в законодательстве. Совершенствование законодательства в области альтернативных способов разрешения споров, а также поощрение к их использованию, безусловно, положительно скажутся на работе всей судебной системы.

Практика применения процедуры медиации не получила широкого распространения на всей территории России, в отдельных регионах даже не знают о ее существовании. Особое значение для активного обращения к процедуре медиации отводится суду как фигуре, непосредственно заинтересованной в ее проведении. Как показывает зарубежная практика по внедрению и развитию медиации, судьи ведут активную деятельность по популяризации и развитию как медиации, так и примирительных процедур в целом. Например, такая организация, как Европейское объединение судей, занимается вопросами по примирению сторон, проводит тренинги и курсы для сотрудников судебного аппарата. Для того чтобы участникам конфликта было легче ориентироваться в самой медиативной

процедуре, специфике ее проведения, разрабатываются и публикуются соответствующие правила и руководства.

Таким образом, можно говорить о том, что АРС и процедура медиации, несмотря на свое относительно недавнее появление, вызывает повышенное внимание. Возможно, в нашей стране ее распространение и внедрение идет не так быстро, как за рубежом, тем не менее у нее есть все перспективы развития: начиная от законодательной базы и заканчивая поддержкой со стороны судейского аппарата и общества. Появление альтернативных способов урегулирования споров как альтернатива судебному разбирательству, а также их распространение во всем мире объясняется не только снижением нагрузки на судебную систему, но и возможностью разрешения спора еще до суда, тем самым повышется правовая культура спорящих сторон. Положительный опыт рассмотрения дел с помощью альтернативных способов разрешения споров позволяет формировать соответствующую практику их применения.

Для решения проблем, связанных с применением альтернативных процедур, и привлечения внимания населения к ним предлагается следующее.

Во-первых, для устранения пробелов в законодательном регулировании следует закрепить в процессуальном законодательстве: ГПК РФ, АПК РФ, – в качестве одной из задач гражданского судопроизводства примирение сторон.

Во-вторых, нужна четкая и проработанная регламентация проведения примирительных процедур, а также их сроков с целью устранения затягивания судебного разбирательства.

В-третьих, важно сформировать в стране корпус профессиональных примирителей, посредников, медиаторов.

В-четвертых, для привлечения внимания населения к альтернативным процедурам предлагается, к примеру, внедрение обязательной медиации по определенным категориям дел: брачно-семейных, трудовых, некоторых коммерческих споров, а также требований, не вытекающих из правоотношений с государственными органами, где требования истца не оспариваются.

В-пятых, в России медиация как самостоятельное явление или в составе более широкого предмета – альтернативных способов урегулирования споров – не входит в программу обучения юристов. В связи этим предлагается ввести

данную дисциплину для преподавания в высших учебных заведениях с целью повышения уровня юридической грамотности будущих медиаторов.

В-шестых, следует разработать стандарты этики для медиаторов и их профессиональных объединений. Говоря о процедуре онлайн-медиации, мы приходим к выводу о необходимости в создании четкой, а главное, единой стратегии организации процесса онлайн-медиации. На сегодняшний день у онлайн-медиации есть большой потенциал для ее дальнейшего развития, а ее перспектива проявляется прежде всего в отсутствии личных встреч сторон спорного правоотношения, экономии времени и издержек по организации самой процедуры, но в то же время требует строгого соблюдения всех условий, в силу того что при онлайн-формате является сложным обеспечивать требование конфиденциальности переговоров.

Цифровизация – логичный и неизбежный этап развития социально-правовой сферы каждого развитого государства во всем мире. Считаем, что онлайн-медиация послужит хорошим способом развития для традиционной медиации, поэтому не стоит понимать онлайн-разрешение споров в качестве метода, противостоящего медиации.

В заключение хочется отметить, что действующая система разрешения споров формировалась в течение длительного промежутка. Медиация остается достаточно новым явлением для российской правовой системы, поэтому есть ряд непроработанных вопросов. Эффективность интеграции медиации, успех примирительной процедуры и достижение медиативного соглашения в правоприменительной практике зависят от многих факторов, в том числе от качества медиативных услуг, мастерства медиатора в применении техник в зависимости от конкретной ситуации разрешаемого спора, от профессионализма и личностных характеристик медиатора, а также от доверия сторон как к самой процедуре медиации, так и к личности медиатора. Необходимо отметить, что на сегодняшний день высокая степень информированности граждан о состоянии альтернативных процедур достигается с помощью информационных технологий, а именно через рекламу и СМИ. Планомерное введение правовых норм, обеспечивающих работу алгоритмов, активная работа с населением в указанной части и обязательное информирование населения – минимальные условия, при которых процедура медиации получит более обширное применение.

Библиография

Авимская, Ольга В. 2009. “Принципы медиации (посредничества)”. *Третейский суд*. 5 (65): 147–155. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12892328>, <https://elibrary.ru/kwdexr>.

Гайдаенко Шер, Наталья И. 2015. *Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров: бесконфликтное общество как основа противодействия коррупции*: научно-практическое пособие. Москва: ИНФРА-М. <http://centerlado.ru/uploadedFiles/files/biblioteka/mediacii/doc20160114-093009.pdf>.

Давыденко, Дмитрий Л. 2009. “Вопросы юридической терминологии в сфере “альтернативного разрешения споров”. *Третейский суд* 1 (61): 40–53. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11777994>, <https://elibrary.ru/jxterr>.

Иванова, Елена Н., Ольга И. Андреева. 2011. “Специфика медиации в суде. Опыт петербургских медиаторов”. *Третейский суд* 4 (76): 148–156. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17026627>, <https://elibrary.ru/oipler>.

Калашникова, Светлана И. 2011. *Медиация в сфере гражданской юрисдикции*: монография. Москва: Инфотропик Медиа.

Коннов, Антон Ю. 2004. “Понятие, классификация и основные виды альтернативных способов разрешения споров”. *Журнал российского права* 12: 120–131. <https://jrpnorma.ru/articles/article-1984.pdf?1711023236>.

Носырева, Елена И. 2005. *Альтернативное разрешение споров в США*: монография. Москва: Издательский Дом “Городец”. <https://elibrary.ru/item.asp?id=21067144>, <https://elibrary.ru/rtaidr>.

Романенко, Марина А. 2005. “Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов: выбор оптимальной модели”. *Вестник Астраханского государственного технического университета* 5 (28): 244–251. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11394338>. EDN: <https://elibrary.ru/jpixhr>.

Федоренко, Наталия В., Георгий Д. Чайкин. 2019. “Проблемы интеграции медиации в российский гражданский процесс”. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление* 6 (109): 93–95. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38003972>, <https://elibrary.ru/wsqwow>.

Херсонцев, Алексей И. 2003. “Альтернативное разрешение споров: проблемы правового регулирования и европейский опыт”. *Российский юридический журнал* 3 (39): 116–122. <https://elibrary.ru/item.asp?id=18988780>, <https://elibrary.ru/pznvcx>.

References

Avinskaya, Olga V. 2009. “The principles of mediation”. *Arbitration* 8: 147–155. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12892328>, <https://elibrary.ru/kwdexr>. (In Russian)

Davydenko, Dmitry L. 2009. “Issues of legal terminology in the field of “alternative dispute resolution”. *Arbitration* 1 (61): 40–53. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11777994>, <https://elibrary.ru/jxterr>. (In Russian)

Fedorenko, Natalia V., Georgiy D. Chaikin. 2019. “Problems of integration of mediation into the Russian civil process”. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление* 6 (109): 93–95. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38003972>, <https://elibrary.ru/wsqwow>. (In Russian)

Gaidaenko Shaer, Natalia I. 2015. *Creating the system of alternative dispute resolution tools: conflict-free society as a basis of counteraction against corruption*: scientific and practical manual. Moscow: INFRA-M. <http://centerlado.ru/uploadedFiles/files/biblioteka/mediacii/doc20160114-093009.pdf>. (In Russian)

Ivanova, Elena N., Olga I. Andreeva. 2011. “The specific of mediation in court. The St. Petersburg mediators’ experience”. *Arbitration* 4 (76): 148–156. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17026627>. EDN: <https://elibrary.ru/oipler>. (In Russian)

Kalashnikova, Svetlana I. 2011. *Mediation in the sphere of civil jurisdiction*: monograph. Moscow, Infotropik Media. (In Russian)

Khersontsev, Alexey I. 2003. “Alternative dispute resolution: problems of legal regulation and European experience”. *Russian Juridical Law* 3 (39): 116–122. <https://elibrary.ru/item.asp?id=18988780>, <https://elibrary.ru/pznvcx>. (In Russian)

Konnov, Anton Yu. 2004. “Notion, classification and basic kinds of alternative dispute resolution methods”. *Journal of Russian Law* 12: 120–131. <https://jrpnorma.ru/articles/article-1984.pdf?1711023236>. (In Russian)

Nosyreva, Elena I. 2005. *Alternative dispute resolution in the USA*: monograph. Moscow: Izdatel’skii Dom “Gorodets”. <https://elibrary.ru/item.asp?id=21067144>, <https://elibrary.ru/rtaidr>. (In Russian)

Romanenko, Marina A. 2005. “Alternative forms in solving legal conflicts: choice of optimum model”. *Vestnik of Astrakhan State Technical University* 5 (28): 244–251. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11394338>, <https://elibrary.ru/jpixhr>. (In Russian)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

Дата принятия: 27.03.2023
рецензирования: 28.04.2023
поступления: 27.06.2023**Дарья Д. Мельникова** Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева г. Самара, Российская Федерация**Практика использования косвенных доказательств в гражданском процессе: проблемы и пути их преодоления**

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы нормативной регламентации и правоприменительной практики при использовании косвенных доказательств, а также содержатся сформулированные и обобщенные автором выводы по рассмотренным практическим проблемам и предложения по способам преодоления проблем при доказывании с использованием косвенных доказательств. Автор отмечает, что отсутствие определения косвенных доказательств в законодательстве обусловило наличие в доктрине плюрализма мнений относительно их понятия и сущности. Кроме того, отсутствие четкой определенности в классификации и признаках косвенных доказательств, критериев их достаточности и оценки создает проблемы для использования косвенных доказательств в гражданском процессе и их оценки судом, что отрицательно влияет на общую судебную практику и на эффективность гражданского судопроизводства в целом. Методологическая основа статьи проявляется через формально-юридический, сравнительно-правовой, логические и другие научные методы. Автор приходит к выводу, что возможным правовым средством разрешения некоторых проблем использования косвенных доказательств в практике гражданского процесса может стать введение категорий и определения «прямых» и «косвенных» доказательств в процессуальное законодательство. Кроме того, необходима активизация работы Верховного Суда Российской Федерации по сбору информации по вопросу применения и оценки судом косвенных доказательств и обобщению некоторых правил использования косвенных доказательств и правил и критериев их оценки судом при вынесении решений с целью подготовки Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросу порядка оценки косвенных доказательств.

Ключевые слова: гражданский процесс; доказывание; доказательства; косвенные доказательства; стандарт доказывания.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Мельникова, Дарья Д. 2023. «Практика использования косвенных доказательств в гражданском процессе: проблемы и пути их преодоления». *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (2): 34–48. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-2-34-48>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Дарья Д. Мельникова, 2023

Дарья Д. Мельникова, юрист, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: melnikovadd@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 27.03.2023
Revised: 29.04.2023
Accepted: 27.06.2023**Dariya D. Melnikova** Samara National Research University, Samara, Russian Federation**Practice of using indirect evidence in civil proceedings: problems and ways to overcome them**

Abstract: the article addresses issues related to normative regulation and judicial practice in the use of indirect evidence, providing formulated and generalized conclusions by the author regarding the practical problems discussed, along with proposals for overcoming challenges in proving cases involving indirect

evidence. The author notes the absence of a legal definition of indirect evidence in legislation, leading to doctrinal pluralism regarding its concept and essence. Additionally, the lack of clarity in the classification and characteristics of indirect evidence, as well as criteria for their sufficiency and assessment, poses challenges for their utilization and judicial evaluation in civil proceedings, adversely affecting overall judicial practice and the efficiency of civil litigation. The methodological basis of the article is shown through formal-legal, comparative-legal, logical, and other scientific methods. The author concludes that introducing categories and definitions of “direct” and “indirect” evidence into procedural legislation could serve as a potential legal solution to some issues in the practical application of indirect evidence in civil proceedings. Furthermore, the author emphasizes the necessity of the Supreme Court of the Russian Federation actively collecting information on the application and assessment of indirect evidence, as well as consolidating rules and criteria for their judicial evaluation, with the aim of preparing a resolution by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the procedure for assessing indirect evidence.

Key words: civil proceedings; proof; evidence; indirect evidence; standard of proof.

Conflicts of interest: the author declared no conflicts of interest.

Citation: Melnikova, Dariya D. 2023. “Practice of using indirect evidence in civil proceedings: problems and ways to overcome them”. *Juridical Analytical Journal* 18 (2): 34–48. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-2-34-48>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© *Dariya D. Melnikova, 2023*

Dariya D. Melnikova, lawyer, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: melnikovadd@mail.ru

Введение

Одной из важнейших задач суда как в уголовном, так и в гражданском процессе является установление фактов дела на основании представленных доказательств. В процессуальном праве институт судебных доказательств является одним из центральных, поскольку используется судом для установления фактических обстоятельств дела. Широко распространенной в мировой практике выступает классификация доказательств на прямые и косвенные.

В ходе рассмотрения различных категорий гражданских дел могут возникать проблемы с точным установлением фактических обстоятельств, когда прямых доказательств недостаточно либо когда определенные факты, имеющие значение для рассмотрения дела, могут быть установлены только совокупностью косвенных доказательств.

Отсутствие определения косвенных доказательств в законодательстве обусловило наличие в доктрине плюрализма мнений относительно их понятия и сущности. Отсутствие четкой определенности в классификации и признаках косвенных доказательств, критериев их достаточности, а также критериев для оценки косвенных доказательств судом создает проблемы как для использования их сторонами в гражданском процессе, так и для судей при их восприятии и оценке на основе «внутреннего

убеждения», а также порождает сомнения при необходимости положить такие доказательства в основу принимаемого судом решения. Все это оказывает отрицательное влияние на согласованность принимаемых судебных решений с общей судебной практикой и на эффективность гражданского судопроизводства в целом. Все вышеперечисленные факторы обуславливают актуальность исследования проблем, возникающих в практике использования косвенных доказательств.

Проблемы нормативной регламентации и правоприменительной практики при доказывании с использованием косвенных доказательств и пути их преодоления

При анализе нормативно-правовых актов, имеющих отношение к теме исследования, было выявлено, что статья 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)¹, статья 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)² и статья 59 Кодекса административного судопроизводства Россий-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 12.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 12.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

ской Федерации (далее – КАС РФ)³ содержат аналогичные определения понятия «доказательства».

В числе актуальных проблем, связанных как с доказательствами в целом, так и с косвенными доказательствами в частности, следует отметить проблему количества видов доказательств или средств доказывания. Процессуальные кодексы (ГПК РФ и АПК РФ) неединообразно регулируют вопросы закрепления используемых средств доказывания в гражданском и арбитражном процессе. В ГПК РФ перечень средств доказывания закрытый, а в АПК РФ – открытый, то есть кроме перечисленных средств доказывания могут быть использованы «иные документы и материалы».

Некоторые исследователи поддерживают мнение о необходимости открытости перечня средств доказывания, что позволяет вводить разнообразную информацию, недоступную для формализованных доказательств.

Исходя из анализа судебной практики очевидно, что классификация видов используемых и исследуемых судом доказательств на прямые и косвенные в законодательстве отсутствует и далеко не всегда прямо приводится в судебных актах, то есть формулировка «косвенные доказательства» может содержаться либо не содержаться в тексте судебного решения, что не имеет ключевого значения, поскольку суды, руководствуясь необходимостью обоснованного решения, прежде всего определяют итоговые обстоятельства и факты, установленные судом в процессе исследования всей совокупности представленных сторонами доказательств.

Ранее в судебной практике встречались случаи, когда отрицалось существование понятия косвенных доказательств, а ссылка на них в решении суда считалась неправомерной: «понятие же “косвенные доказательства” в гражданском процессуальном праве отсутствует, а поэтому ссылка на них в решении суда является неправомерной»⁴.

В арбитражной практике были даны следующие разъяснения. Например, при рассмотрении дела № А52/832/97/2 Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа указал, что

³ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 12.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 июля 1998 года № 5-В97-290. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 12.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

«доказательства делятся на прямые и косвенные. Прямыми считаются доказательства, которые однозначно подтверждают или опровергают существование любого обстоятельства, подлежащего доказыванию при рассмотрении дел, вытекающих из административных правонарушений. К косвенным, соответственно, относят доказательства, которые неоднозначно подтверждают или опровергают существование доказываемого обстоятельства по делу. Прямое доказательство допускает единственное толкование. Косвенное доказательство отражает существование подтверждаемого или опровергаемого им обстоятельства совершенно иначе. Значение его содержания по отношению к последующему допускает не одно, а несколько различных толкований. Выбор единственного значения осуществляется путем исключения всех остальных значений обязательно в совокупности с другими доказательствами по делу»⁵.

На практике использование косвенных доказательств не вызывает проблем, если они представлены в суд как вспомогательные с целью дополнения и подтверждения прямых доказательств. Однако в случае отсутствия прямых доказательств многими правоприменителями косвенные доказательства воспринимаются как неубедительные.

Рассмотрим в качестве примера решение Кировского районного суда города Махачкалы от 23 июля 2020 г. по делу № 2-1459/2020. ОАО АКБ «Экспресс» обратилось в суд с иском заявлением к Ответчику о взыскании задолженности, образовавшейся в результате выдачи денежных средств по кредитному договору. Конкурсный управляющий банка, ссылаясь на то, что данный договор в архиве конкурсного управляющего не обнаружен, в связи с чем отсутствует возможность приобщения кредитного договора в материалы дела, представил следующие косвенные доказательства: приложение – полный расчет суммы иска в отношении Ответчика по кредитному договору на общую сумму задолженности по состоянию на текущую дату; выписку по лицевому счету за период, что задолженность ответчика составляет 248147,14 руб.; выписку по операциям на счете организации ОАО АКБ «Экспресс» за период, что «наименование платежа» «выдача кредита по договору №-псо от 12.09.2011 согласно распоряжению кредитного отдела 428157 от

⁵ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18.09.1997 по делу № А52/832/97/2. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 12.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

12.09.2011 «выдача кредита» на сумму 300 000 руб. Ответчик иск не признал и просил отказать в его удовлетворении по тем основаниям, что кредитный договор с ним не заключали и денег у истца не получил.

Суд пришел к выводу, что представленные копии документов, на которые ссылается истец, не являются доказательством соблюдения письменной формы договора, поскольку носят односторонний характер, что исключает возможность установить наличие и характер действий ответчика, поскольку истцом не представлено допустимых и достоверных доказательств, подтверждающих факт заключения договора займа между истцом и ответчиком, оснований для удовлетворения иска не имеется. Суд не может считать доказанными обстоятельства, подтверждаемые только копией документа или иного письменного доказательства, если утрачен и не передан суду оригинал документа и представленные каждой из спорящих сторон копии этого документа не тождественны между собой, невозможно установить подлинное содержание оригинала документа с помощью других доказательств. Доводы истца, что ответчик получал указанную сумму денег, ничем не подтверждены, так как не представлены какие-либо достоверные доказательства⁶. В том числе не были предоставлены оригиналы платежных поручений с отметкой банка о списании денежных средств истцом.

Не менее важной является проблема полноты и достаточности доказательств. В законодательстве нет определенных формальных критериев достаточности доказательств. Как справедливо отмечено в юридической доктрине, это «критерий логического основания, который требует всестороннего обоснования решения суда, рассмотрения всей совокупности доказательств и исключения вынесения решения по неполным или недостаточно выясненным обстоятельствам дела» (Смольников 2015, 29–35).

Стоит отметить, что в практике арбитражных судов встречается подход, согласно которому по некоторым категориям дел, одна из сторон по которым находится в статусе банкротящегося лица/банкрота, применяется повышенный стандарт доказывания. В качестве одного из примеров могут послужить дела о взыскании задолженности по договору генерального подряда: «Критерии достаточности

доказательств (стандарт доказывания), позволяющие признать требования обоснованными, устанавливаются судебной практикой. При экстраординарном обжаловании судами должен применяться повышенный стандарт доказывания. Названный порядок обжалования по своей функциональности предполагает как возможность приведения новых доводов, так и представление новых доказательств.

Под стандартом доказывания в судебной практике фактически понимается круг обстоятельств, входящих в предмет доказывания, бремя подтверждения которых лежит на лице, заявляющем соответствующие требования или возражения. Стандарты доказывания дифференцируются по степени строгости в зависимости от положения утверждающего лица в спорном правоотношении, влияющего на фактическую возможность собирания доказательств, в целях выравнивания этих возможностей обеих сторон, а также защиты публичных интересов.

Рассмотрение искового требования в деле, не осложненном банкротным элементом, судом производится с применением обычного общеискового стандарта доказывания (с равными возможностями спорящих лиц по сбору доказательств и при отсутствии сговора сторон об утаивании какой-либо информации от суда), по результатам чего суд принимает решение в пользу того лица, чьи доказательства преобладают над доказательствами процессуального противника (стандарт доказывания, именуемый «баланс вероятностей», «перевес доказательств» или «разумная степень достоверности», определения Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004(2), от 30.09.2019 № 305-ЭС16-18600(5-8)).

Состав таких доказательств должен соответствовать обычному кругу доказательств, документально опосредующих спорное правоотношение при его типичном развитии, которыми должна располагать сторона. Представление суду утверждающим лицом подобных доказательств, не скомпрометированных его процессуальным противником, может быть сочтено судом достаточным для вывода о соответствии действительности доказываемого факта для целей принятия судебного акта по существу спора»⁷.

Обязательным условием возможности использования совокупности косвенных доказа-

⁶ Решение Кировского районного суда города Махачкалы от 23 июля 2020 г. по делу № 2-1459/2020. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 12.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

⁷ Постановление Одиннадцатого апелляционного арбитражного суда от 1 июня 2023 г. по делу № А65-24866/2018 *КонсультантПлюс*. Дата обращения 14.03.2023. <http://www.consultant.ru>

зательств является непротиворечивость, они должны согласовываться друг с другом. Их совокупность должна приводить к единственно возможному выводу о доказываемом факте.

Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ), одним из требований, которое предъявляется к судебному решению, является его обоснованность, «когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (статьи 55, 59–61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов»⁸.

Таким образом, в рамках предоставленных законом дискреционных полномочий суд осуществляет оценку доказательств, но отнюдь не произвольно и не в противоречии с законом, что в том числе отражается и в позиции Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ)⁹.

Анализ судебной практики показывает, что по определенным категориям дел установление искомых фактов возможно исключительно на основании косвенных доказательств (в отсутствие прямых), в том числе по делам особого производства и по делам об оспаривании мнимых сделок.

Рассмотрим в качестве примера Решение Ессентукского городского суда Ставропольского края от 11 марта 2022 года по делу № 2-24/2022.

Истец обратился в суд с иском о признании недействительным договора купли-продажи квартиры, заключенного со своим сыном, который при подписании договора ввел его в заблуждение относительно предмета и содержания сделки. На момент обращения в суд прошло более трех лет с даты заключения сделки. При формировании позиции учитывалось, что в данном случае имеются признаки недействительности сделки по нескольким основаниям: как оспоримой и ничтожной сделки (статья 166 ГК РФ), как сделки, совершенной под влиянием обмана и существенного заблужде-

ния (статьи 178, 179 ГК РФ), как мнимой сделки (статья 170 ГК РФ). Также в соответствии с пунктом 101 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 срок исковой давности по требованию о признании сделки недействительной не течет, если фактически она не исполнялась. Таким образом, предстояло доказать мнимый и притворный характер сделки, а также обман и введение в заблуждение ответчиком истца.

Цена сделки составляла 1 500 000 рублей 00 копеек, которые должны были быть уплачены ответчиком истцом до подписания договора. Однако истец денег от ответчика не получал. Согласно предоставленным суду сберегательным книжкам истца, никаких сумм поступлений, соизмеримых с суммой сделки, за весь период с момента подписания договора на счетах истца никогда не было. Свидетели истца также пояснили, что за несколько лет не было признаков того, что истец получил крупную сумму денег, а ответчик неоднократно сам обращался к истцу за финансовой помощью.

Возражая, ответчик ссылаясь на формулировку в договоре о предварительно произведенных расчетах, однако не подкрепил данный довод прямыми доказательствами. Непосредственно факт передачи денежных средств по договору купли-продажи может быть доказан: распиской о получении денежных средств в случае передачи денег в наличной форме либо чеком/платежным поручением о переводе денежных средств, выписками по счету при безналичной форме расчетов.

При анализе справок о доходах, предоставленных ответчиком, суд пришел к выводу, что полученных за предшествующий сделке период доходов недостаточно для оплаты оспариваемой сделки.

Одним из ключевых доказательств позиции истца стала, однако, предоставленная видеозапись, где ответчик признает тот факт, что денежных средств он истцу не передавал, а также что намерен продать квартиру, лишив истца единственного жилья.

Также истец доказывал мнимый характер сделки в связи с тем, что никаких изменений и последствий, которые должны были бы наступить при исполнении сделки по продаже квартиры, не последовало: в квартире истец зарегистрирован по настоящее время, продолжает проживать в ней и фактически осуществлять правомочия собственника имущества, что было в том числе подтверждено свидетельскими показаниями.

⁸ Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 года № 23 “О судебном решении”. 2004. *Бюллетень Верховного Суда РФ* 2.

⁹ Определение Конституционного суда от 28 мая 2013 года № 752-О/2013 “Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Киселева Алексея Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации”. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 14.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

Истцом были предоставлены квитанции и чеки об оплате коммунальных расходов, договор о техническом обслуживании и ремонте внутридомового газового оборудования, акты об осмотрах и проверках приборов учета, квартиры, где собственником указан истец, сведения о лицевых счетах, открытых у операторов коммунальных услуг на имя истца.

Сложной задачей в подобных делах является доказательство введения в заблуждение и обмана ответчика. Приводимые в подобных случаях сторонами доводы о юридической неграмотности, доверчивости, невнимательности в силу преклонного возраста при условии, что гражданин на момент совершения сделки был дееспособен и его дееспособность не опровергается, имеют относительный и субъективно-оценочный характер и чаще всего не могут быть подтверждены прямыми доказательствами. В рассматриваемом случае истец попросил суд принять во внимание предоставленные копии выписок из медицинских учреждений, свидетельствующих о длительных серьезных проблемах со здоровьем истца и его супруги.

Проанализировав в совокупности представленные прямые и косвенные доказательства, суд пришел к выводу, что предоставленные доказательства и свидетельские показания подтверждают, что стороны на момент совершения сделки не имели своей целью создать правовые последствия, характерные для договора купли-продажи, и не создали их в дальнейшем, и в результате удовлетворил иски требования¹⁰.

Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Ставропольского краевого суда от 23 июня 2022 года решение Ессентукского городского суда Ставропольского края от 11 марта 2022 года по делу № 2-24/2022 было отменено, апелляционная жалоба ответчика удовлетворена. Отменяя данное решение, апелляционный суд ссылаясь на истечение срока исковой давности, а также исходила из того, что из буквального толкования значения слов и выражений положений договора купли-продажи о произведенном расчете денежные средства, причитающиеся продавцу за его имущество, получены им на момент подписания договора, а предоставленные истцом доказательства, а также показания свидетелей не опровергают факта взаиморасчета между сторонами¹¹.

¹⁰ Решение Ессентукского городского суда Ставропольского края от 11 марта 2022 года по делу № 2-24/2022. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 14.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

¹¹ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ставропольского краевого суда от

Определением по делу № 2-24/2022 от 14 декабря 2022 года Пятый кассационный суд общей юрисдикции отменил вышеуказанное апелляционное определение, оставив в силе решение Ессентукского городского суда Ставропольского края от 11.03.2022, принимая во внимание, что суд первой инстанции правильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, верно применил нормы материального права, подлежащие применению к отношениям сторон, правильно распределив бремя доказывания, разрешил спор в соответствии с установленными по делу обстоятельствами и требованиями закона. Суд апелляционной инстанции оставил без внимания тот факт, что ответчиком не представлены относимые и допустимые доказательства наличия у него необходимой денежной суммы в размере более одного миллиона рублей на момент заключения оспариваемого договора купли-продажи¹².

Как отмечалось выше, серьезные затруднения для судов возникают именно в случае использования совокупности только косвенных доказательств при объективном отсутствии прямых доказательств, особенно в том случае, когда в определенных категориях споров такая практика не является обыденной. Это связано с принятым в отечественной практике подходом к оценке доказательств на основании «внутреннего убеждения», что уже само по себе порождает высокую степень субъективности при оценке доказательств. Таким образом, суду при исследовании доказательств и вынесении решения необходимо прийти к единственно возможному и достоверному выводу о фактах и обстоятельствах и исключить вероятностное толкование тех или иных доказательств, а также избежать судебной ошибки при вынесении решения. При этом косвенные доказательства могут восприниматься как неубедительные и недостаточные.

Зачастую это приводит к тому, что в условиях использования совокупности косвенных доказательств при прочих равных условиях в разрезе по одним и тем же категориям дел выводы, сформулированные в итоговых судебных актах, могут кардинально различаться.

Актуальна также проблема оценки поведения в качестве доказательства, однако значение

23 июня 2022 года № 33-3-5487/2022 по делу № 2-24/2022. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 14.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

¹² Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции № 88-10269/2022 от 14 декабря 2022 года по делу № 2-24/2022. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 14.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

поведению должно придаваться в тех случаях, когда это указано в законе. Например, в случаях, если совершение сделки нарушает запрет, установленный пунктом 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹³ (злоупотребление правом, действия с противоправной целью), в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (пункты 1, 2 статьи 168 ГК РФ)¹⁴.

Однако в некоторых случаях оценка поведения применяется и когда нет прямого указания на это в законе. Так, при рассмотрении кассационной жалобы на решение Преображенского районного суда г. Москвы от 24 ноября 2016 г. и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 4 мая 2017 г. по иску двух граждан к Департаменту городского имущества города Москвы о признании права собственности в силу приобретательной давности и об определении долей в праве общей долевой собственности, а также по встречному иску Департамента городского имущества города Москвы к данным гражданам о признании права на долю в праве общей собственности на жилое помещение в порядке наследования выморочного имущества Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ установила, что имеются для отмены в кассационном порядке апелляционного определения, и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции. Судебная коллегия в том числе привела доводы, что собственник имущества по общему правилу несет бремя содержания принадлежащего ему имущества (статья 210 ГК РФ), что предполагает и регистрацию им своего права, законодательное закрепление необходимости которой является признанием со стороны государства публично-правового интереса в установлении принадлежности недвижимого имущества конкретному лицу. Бездействие же публично-правового образования как участника гражданского оборота, не оформившего в разумный срок право собственности, в определенной степени создает предпосылки к его утрате¹⁵.

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ в ред. от 24.07.2023. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 14.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

¹⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018). *КонсультантПлюс*. Дата обращения 14.05.2023. <http://www.consultant.ru>.

¹⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.03.2018 № 5-КГ18-3.

Также примером успешной практики обоснования позиции при помощи предоставления косвенных доказательств может послужить Апелляционное определение Верховного Суда Республики Мордовия от 24 июля 2018 г. по делу № 33-1371/2018. Истец обратился в суд с иском о признании незаконным решения Управления ПФ РФ в Атяшевском муниципальном районе Республики Мордовия об отказе в перерасчете пенсии, возложении обязанности принять для перерасчета пенсии по старости сведения о заработной плате, содержащиеся в партийном билете, и произвести перерасчет пенсии.

В обоснование своей позиции истец указал, что после назначения ему страховой пенсии по старости он обращался в отделение ПФ РФ с заявлением о перерасчете пенсии, с целью уточнения сведений о размере его заработной платы за 1984 год им был представлен партийный билет, где были отражены данные сведения. Однако в перерасчете пенсии ему было отказано, свой отказ Управление ПФ РФ мотивировало тем, что назначенная пенсия не может быть пересчитана на основании сведений партийного билета.

Решением Атяшевского районного суда Республики Мордовия от 4 мая 2018 г. иск был удовлетворен: «суд первой инстанции пришел к выводу об обоснованности требований истца о перерасчете страховой пенсии по старости, обосновывая свое решение тем, что партийный билет содержит сведения, косвенно подтверждающие фактический заработок истца в спорный период, и оснований сомневаться в правильности записей в партийном билете о размерах заработной платы истца не имеется»¹⁶.

Судебная коллегия Верховного Суда Республики Мордовия согласилась с выводами суда первой инстанции с учетом того, что «утверждения ответчика о том, что при назначении пенсии на основании среднемесячного заработка учитываются фактически выплаченные суммы, отклоняются, поскольку подлежащий применению при разрешении настоящего спора нормативный акт позволяет принимать во внимание заработную плату, отраженную в партийном билете», и оставила без изменения решение суда первой инстанции, а апелляционную жалобу ответчика без удовлетворения.

КонсультантПлюс. Дата обращения 14.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

¹⁶ Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 24 июля 2018 г. по делу № 33-1371/2018. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 14.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

Косвенные доказательства также могут использоваться и с целью доказывания отрицательных фактов. Необходимость доказывания отрицательного факта в отечественной практике нельзя отнести к исключительным явлениям, исходя из положений ГК РФ, ГПК РФ АПК РФ возможность доказывания отрицательных фактов допускается.

В доктрине существуют различные подходы к определению отрицательных фактов. В судебной практике встречается позиция, что отрицательные факты не подлежат доказыванию, что противоречит нормам материального и процессуального права (Горошко 2019, 34).

Обобщенно отрицательный факт можно определить как действие, событие или явление, которое не имело место в прошлом, отсутствует в настоящем или не будет существовать в будущем.

Отрицательные факты зачастую входят в предмет доказывания, а в состязательном процессе, когда ответчик занимает активную процессуальную позицию, количество отрицательных фактов может быть тождественно количеству фактов положительных (Гилев 2021, 232).

Требования из отдельных материально-правовых и процессуальных правоотношений тесно связаны с неизбежным доказыванием отрицательных фактов, например: непоставка товара в споре о расторжении договора и взыскании денежных средств, признаки недействительности при оспаривании сделки и т. д. Необходимость доказывания отрицательных фактов нередко возникает при рассмотрении таких категорий дел, как неосновательное обогащение; недействительные сделки; неисполнение договорных обязательств контрагентом; взыскание неуплаченных долгов и кредитов и многое другое.

Отрицательный факт для заявляющего/возражающего в результате перераспределения бремени доказывания трансформируется в положительный для противоположной стороны¹⁷.

Что касается распределения бремени доказывания в таких случаях, необходимо отметить, что установленные процессуальным законом предписания (статья 56 ГПК РФ так и статья 65 АПК РФ) применимы как к положительным, и к отрицательным фактам. Специальные правила о распределении бремени доказывания в процессуальном законодательстве отсутству-

ют, но могут быть обнаружены в материально-правовых нормах в качестве презумпций либо быть сформулированными высшими судебными инстанциями (Афанасьев, 2011, 70).

Как правило, при доказывании отрицательных фактов основной упор делается на косвенные доказательства и на установление доказательственных положительных фактов. Однако иногда доказательственным фактом, установленным косвенным доказательством, может быть другой отрицательный факт.

Для иллюстрации приведем пример, как косвенные доказательства могут использоваться для подтверждения положительных фактов. Например, в рамках доказывания неисполнения подрядчиком обязательств по устранению дефектов фасада здания обнаружение трещины на фасаде может служить косвенным доказательством невыполнения подрядчиком обязательств, поскольку существование дефекта может указывать на возможные нарушения. Однако причины появления трещины могут быть разнообразными, она не обязательно связана исключительно с действиями подрядчика.

Таким образом, при ограниченном круге подобных косвенных доказательств в деле, которые как уже неоднократно подчеркивалось, зачастую судом воспринимаются как неубедительные, установить искомый отрицательный факт не предполагается возможным.

Тем не менее следует отметить, что при предоставлении достаточной совокупности косвенных доказательств и в случае пассивности оппонента отрицательный факт может быть доказан. Иными словами, стандарт доказывания снижается до подтверждения заявителем разумной вероятности, например, необоснованности требования иного кредитора к должнику, и в таком случае бремя доказывания обратного переходит к оппоненту.

Несмотря на сложность и неоднозначность такого подхода к доказыванию, его использование возможно в сложных ситуациях, когда предоставление всех необходимых прямых доказательств не представляется возможным в связи с их недостатком или отсутствием. Рассмотрим такую ситуацию на практическом примере.

Истец обратилась в суд с иском о признании незаконным снятия с регистрационного учета, восстановлении регистрационного учета по месту жительства, признании права пользования жилым помещением, возложении обязанности регистрации по месту жительства. Ранее истец была зарегистрирована в спорном помещении как член семьи своей матери, получившей

¹⁷ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.01.2013 по делу № А51-15943/2011 Арбитражного суда Приморского края. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 14.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

данное жилье по договору социального найма. В возрасте 11 лет истец была временно изъята из спорного помещения в связи с лишением ее матери родительских прав и помещением ее в детское учреждение. Постановлением органов местного самоуправления за ней было закреплено спорное жилье. С момента выбытия из детского дома истец продолжала проживать в спорном жилом помещении, которое является единственным местом жительства для нее и ее несовершеннолетних детей, а также нести бремя содержания жилья. Однако при попытках получить подтверждение о месте регистрации для внесения данных о регистрации в паспорт после прибытия из детского дома в паспортном столе истице неоднократно отказывали без объяснения причин. Указанная ситуация сохранялась много лет. В дальнейшем данный дом был признан аварийным, подлежащим сносу и расселению. Она не смогла получить жилье взамен аварийного, поскольку документы о заключении договора найма с ней и сведения о регистрации в данном помещении отсутствуют. Все документы, подтверждающие права проживания в данном помещении ее матери, были утеряны.

В рамках рассмотрения данного дела были получены следующие доказательства:

– постановление органа местного самоуправления, согласно которому сестра истицы была также направлена в детское учреждение и за ней была закреплена жилая площадь в спорном помещении;

– свидетельские показания сестры истца, кроме того, в ее паспорте РФ имеется отметка о ее регистрации по данному адресу после выбытия из детского учреждения;

– свидетельскими показаниями бывших соседей было подтверждено фактическое постоянное пребывание истца и ее детей в спорном помещении;

– справкой из школы ГБОУ СОШ № был подтвержден факт, что с 01 сентября 1990 г. истец обучалась в данной школе, а в алфавитной книге записи учащихся был указан в качестве адреса проживания адрес спорного помещения;

– из школы-интерната, где пребывала истец, были получены копии документов из личного дела, в том числе копии справок о составе семьи, датированные 1994–1995 годами;

– копии архивной формы № 9, № 10 по спорному жилому помещению, из содержания которых было очевидно, что истец была вычеркнута без пояснительных записей, в графе дата снятия с регистрационного учета – приписка 04.2001 без указания конкретной даты и

оснований. Кроме того, 19.07.1997 и 03.10.1997 в данном помещении были зарегистрированы иные лица.

– ответ на запрос от органов опеки и попечительства, согласно которому сведения и документы, которые явились бы основанием для снятия Истца в период 2000–2001 гг. с регистрационного учета в закрепленном за ней помещении, отсутствуют;

– сведения об отсутствии судебных решений о снятии с регистрационного учета по данному адресу в отношении истца.

Суд пришел к выводу, что истец после снятия ее в апреле 2001 года с регистрационного учета по спорному адресу право пользования иным жилым помещением не приобрела, а факт незаконного снятия истца с регистрационного учета нашел свое подтверждение. Также доказательств обратного ответчиками не представлено. Решением суда снятие истца с регистрационного учета из спорного помещения было признано незаконным, и она была восстановлена на регистрационном учете по указанному адресу с 01.04.2001¹⁸.

В дальнейшем она снова обратилась в суд с иском о признании права на однократное предоставление жилого помещения из специализированного жилищного фонда для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, обязанности включить в список детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, подлежащих обеспечению жилыми помещениями из специализированного жилищного фонда по договорам найма специализированных жилых помещений. Ссылаясь на обстоятельства, установленные в процессе рассмотрения предыдущего гражданского дела о признании незаконным снятия с регистрационного учета, и предоставив тот же перечень косвенных доказательств, истец обосновывала доводы, что обеспечение прав на жилое помещение истца до достижения совершеннолетия в соответствии с Постановлением администрации района являлось формальным, и фактически никакие меры по закреплению данной жилой площади за истцом, а также по обеспечению и контролю его сохранности за время пребывания истца в детском учреждении не предпринимались, и фактически истец не была обеспечена жильем, а также имела уважительные причины, по которым подать заявление о включении в список

¹⁸ Решение Волжского районного суда Самарской области от 15.09.2022 года по делу № 2-1780/2022. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 14.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

детей-сирот до достижения 23-летнего возраста не имела возможности.

05 февраля 2022 года Волжским районным судом Самарской области было оглашено решение по данному делу № 2-780/2024, которым исковые требования полностью удовлетворены.

Необходимо также отметить и существующие категории дел с пониженным стандартом доказывания, одной из которых являются дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение. В качестве примера рассмотрим, в частности, судебные дела об установлении отцовства: в случае назначения судебной молекулярно-генетической экспертизы точность результата экспертизы, подтверждающей (либо опровергающей) отцовство составляет 99,99 %, а значит, вероятность обратного вывода хотя и крайне малозначительная, но существует. С этой точки зрения, так как на основании данного доказательства можно прийти к двум противоположным выводам о факте и заключение содержит не однозначный, а вероятностный вывод о факте, это доказательство является косвенным. Таким образом, из приведенного примера можно констатировать наличие ситуаций, когда суд может делать вывод о факте, основываясь на одном косвенном доказательстве, вероятность однозначного вывода из которого достаточно велика, а вероятность противоположного вывода о факте незначительна.

Интересны и другие особенности рассмотрения данной категории дел и оценки доказательств судом при вынесении решения по таким делам. Так, ВС РФ дал разъяснения относительно тех доказательств, которые могут предоставляться по делам об установлении отцовства и материнства, а также указал, что в случае уклонения одной из сторон от экспертизы суд, несмотря на отсутствие доказательства в виде заключения экспертизы, вправе принять решение по делу, основываясь на совокупности иных имеющихся доказательств по делу¹⁹. Однако вместе с тем суду также надлежит проверить и оценить причины уклонения от экспертизы (были ли объективные уважительные обстоятельства, которые помешали стороне явиться/предоставить материал для проведения назначенной экспертизы), а также был ли назначен новый срок для исследования, установить причины неявки/непредставления материала, иные

¹⁹ См. подробнее: пункты 19–21 Постановления Пленума ВС РФ № 16 от 16 мая 2017 года «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей». 2017. *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации* 7.

обстоятельства. Следовательно, при таких ситуациях мы видим указание на необходимость дополнительной оценки поведения в качестве косвенного доказательства.

В качестве примера можно также привести Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ № 39-КГ19-6 от 11 февраля 2020 года, которым были отменены решение суда первой инстанции и апелляционное определение, а дело об оспаривании отцовства направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ указала, что, «разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что истцом не представлено бесспорных доказательств, свидетельствующих о том, что он не является отцом несовершеннолетнего ребенка, при этом суд не выполнил все требования, возложенные на него процессуальным законом при рассмотрении дела, факт отцовства истца в отношении несовершеннолетнего не установил и не опроверг, не принял необходимых мер к правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела, не были исправлены указанные нарушения, допущенные судом первой инстанции при рассмотрении дела, и судом апелляционной инстанции»²⁰.

Стоит отметить, что в судебной практике уже был выработан подход, согласно которому для установления того или иного факта требуется не одно косвенное доказательство, а их достаточная совокупность, поскольку на основании одного взятого косвенного доказательства невозможно сделать однозначный вывод относительно искомого факта. Косвенные доказательства согласовываются и дополняют друг друга, а в их совокупности устанавливается однозначная связь с доказываемым фактом²¹.

В правоприменительной практике судов общей юрисдикции содержатся так называемые «выработанные правила использования косвенных доказательств», которые подразумевают что «косвенные доказательства используются только в совокупности, достоверность каждого косвенного доказательства не вызывает сомнений, при этом косвенные доказательства подтверждают и дополняют друг друга, в сово-

²⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ № 39-КГ19-6 от 11 февраля 2020 года. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 16.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

²¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018). *КонсультантПлюс*. Дата обращения 16.03.2023. <http://www.consultant.ru>

купности эти доказательства выявляют однозначную связь с доказываемым фактом»²². Похожие выводы о необходимости совокупности косвенных доказательств, которая должна быть непротиворечивой, встречаются и в судебных актах арбитражных судов.

Процессуальное законодательство предъявляет требование достоверности к любым доказательствам (пункт 3 статьи 67 ГПК РФ, пункт 2 статьи 71 АПК РФ). По мнению профессора В.К. Пучинского, «первым этапом оценки косвенных доказательств является оценка достоверности сведений об искомом побочном обстоятельстве, и на данном этапе оценка косвенных доказательств не отличается от оценки прямых доказательств, в дальнейшем же суд исследует логическую связь между обстоятельствами и юридическими фактами» (Пучинский 2004, 32).

Таким образом, можно констатировать что среди различных исследователей сложилось расхожее мнение о том, что для установления доказываемого факта при помощи косвенных доказательств во всех случаях необходима их совокупность. В.В. Молчанов отмечает, что «для достоверного вывода о наличии или отсутствии факта необходимо не одно, а несколько косвенных доказательств в совокупности» (Молчанов 2012, 133). Схожего мнения придерживаются и другие исследователи и авторы: М.К. Треушников, И.Н. Лукьянова и др.

И.Н. Лукьянова отмечает, что «косвенное доказательство не влечет единственно возможного вывода о существовании факта» и что «отдельно взятое косвенное доказательство не обладает достаточной доказательственной силой, но в совокупности с другими доказательствами оно может подтвердить существование доказываемого факта» (Лукьянова 2003, 45).

Следует отметить, что при установлении судом обстоятельств дела возможны различные ситуации, когда необходимо:

- достоверное установление наличия того или иного факта;
- достоверное установление отсутствия факта;
- установление вероятности наличия или отсутствия факта.

При этом последняя ситуация может возникать достаточно часто (Боннер 2009, 345).

Перейдем к иной практической проблеме, характерной как для доказательств в целом, так

и косвенных доказательств в частности: объективная невозможность достоверного установления фактов. Поскольку предоставление доказательств зависит от процессуальной активности обеих сторон и иных различных факторов, доказательств, необходимых для достоверного установления объективной истины, часто по независящим от суда причинам может быть недостаточно. Усложняет данную проблему и вероятность нечистоплотного поведения одной из сторон: подложности и фальсификации части доказательств (в том числе прямых), недостоверных показаний свидетелей и пр.

Также необходимо учитывать такие важные правила оценки косвенных доказательств: факты, полученные из одного источника, обладают равной юридической силой, а также что никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы и подлежат оценке в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами.

Таким образом, мы в очередной раз приходим к обоснованию необходимости использования при доказывании в гражданском процессе косвенных доказательств в качестве вспомогательных или основных: в случаях недоступности и отсутствия прямых доказательств, а также в случаях, когда прямые доказательства противоречат или взаимоисключают друг друга. В таких случаях суду необходимо тщательно изучить предоставляемые косвенные доказательства с целью установления истины по делу.

Кроме того, практическая сложность применения системы косвенных доказательств в доказывании состоит и в том, что связи косвенных доказательств между собой и с искомым фактом не всегда явно очевидны. Делая заключение об относимости косвенных доказательств, следует учитывать, что доказательственный факт и главный факт могут быть связаны не только причинной связью, но, к примеру, как условие с обусловленным.

Верным было бы подчеркнуть, что как для доказательства главного факта может потребоваться логически выстроенная система доказательственных фактов, так и для установления каждого из этих доказательственных фактов может быть необходима упорядоченная система косвенных доказательств. Именно поэтому во многих случаях связь косвенных доказательств с искомым фактом может быть очевидна после исследования всех доказательств по делу в совокупности в их неразрывной взаимосвязи.

Таким образом, можно прийти к выводу, что для использования косвенных доказательств с

²² Определение Ленинградского областного суда от 25.04.13 по делу № 33а-1828/2013 от 03.04.14 по делу № 33-1680/2014. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 16.03.2023. <http://www.consultant.ru>

целью установления искомого факта важна не просто совокупность косвенных доказательств, обладающих свойствами непротиворечивости и относимости, но и их логически упорядоченная система.

При решении вопроса о достаточности косвенных доказательств правоприменителю следует учитывать, что косвенные доказательства по своей особенности являются в меньшей степени убедительными и часто оставляющими альтернативные варианты их толкования. По этой причине суд может сделать вывод о достаточности косвенных доказательств, если вывод, сделанный на основе этих доказательств, является более убедительным, чем иные выводы, которые могут быть сделаны на основе этих доказательств. При этом сам вывод должен отвечать критерию разумности.

Попытки выделить универсальные правила использования косвенных доказательств сомнительны, поскольку, решая вопрос об их применении, суд должен исходить из материалов конкретного дела, учитывая его особенности, тем не менее можно выделить и дополнить общие правила использования косвенных доказательств:

- все предоставляемые косвенные доказательства должны отвечать требованиям относимости, допустимости, непротиворечивости и достоверности;

- косвенные доказательства должны быть объективно связаны между собой и с доказываемым фактом;

- косвенные доказательства приводят к достоверным выводам по делу в своей совокупности;

- для использования косвенных доказательств с целью установления искомого факта важна логически упорядоченная система косвенных доказательств, которая должна приводить к такому обоснованному выводу, который исключает иное объяснение установленных обстоятельств, исключает разумные сомнения в том, что обстоятельства дела были именно такими, как они установлены на основе этих доказательств.

Обобщение некоторых правил использования косвенных доказательств и правил и критериев их оценки судом при вынесении решений в том числе может быть сформулировано на уровне Верховного Суда при обобщении практики по различным категориям гражданских дел, а также в виде постановления Пленума ВС РФ по вопросу порядка оценки косвенных доказательств. Из рассмотренной судебной практики очевидно, что ВС РФ периодически

предпринимаются попытки разъяснений по отдельным категориям дел, в том числе в части обоснования применения при доказывании и оценке судом предоставляемых косвенных доказательств, применения пониженного стандарта доказывания и др. Однако этого, очевидно, пока недостаточно для обеспечения единообразия правоприменительной практики.

Согласно правовой позиции ВС РФ в Определении от 30.05.2022 г. № 305-ЭС22-1204 по делу № А40-312342/2019 об оспаривании факта включения в реестр требований должника денежных притязаний компании, которые, по мнению «Агентства по страхованию вкладов», были основаны на мнимых сделках подряда и цессии, в таких делах косвенные доказательства имеют особую значимость именно потому, что прямые доказательства, как правило, в данном случае и так ставятся под сомнение: «Особое значение приобретают именно косвенные доказательства, так как, исходя из предмета спора, прямые доказательства, как правило, ставятся под сомнение. Суд должен осуществлять проверку, следуя принципу установления достаточных доказательств наличия или отсутствия фактических отношений по подряду. Целью такой проверки является установление обоснованности долга, возникшего из договора, и недопущение включения к должнику-банкроту необоснованных требований»²³.

В Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) приведена следующая позиция: «в ситуации, когда не связанный с должником кредитор представил косвенные доказательства, поставившие под сомнение факт существования долга, аффилированный кредитор не может ограничиться представлением минимального комплекта документов (например, текста договора займа и платежных поручений к нему, отдельных документов, со ссылкой на которые денежные средства перечислялись внутри группы) в подтверждение реальности заемных отношений»²⁴.

²³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.05.2022 № 305-ЭС22-1204 по делу № А40-312342/2019. *КонсультантПлюс*. Дата обращения 16.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

²⁴ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований, контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020). *КонсультантПлюс*. Дата обращения 16.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

В Постановлении Пленума ВС РФ № 16 от 16 мая 2017 года «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» указано: «в соответствии со статьей 49 СК РФ при установлении отцовства суд принимает во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица... При разрешении дел, связанных с установлением материнства, суд также вправе принять во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от данной женщины... Для разъяснения вопросов, связанных с происхождением ребенка, суд вправе с учетом мнения сторон и обстоятельств по делу назначить экспертизу, в том числе и молекулярно-генетическую, позволяющую установить отцовство (материнство) с высокой степенью точности... В соответствии с частью 3 статьи 79 ГПК РФ при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым».

Стоит также упомянуть и Определение ВС РФ от 27.05.2022 № 301-ЭС19-21027. При рассмотрении дела с целью установления права конкурсного управляющего изменить очередность удовлетворения требований текущих кредиторов в соответствии с пунктом 1 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ ставился вопрос: как доказать факт, что отключение водоснабжения определенному поселению неизбежно приведет к техногенной катастрофе. При рассмотрении дела суды трех инстанций исходили из «недоказанности возникновения чрезвычайной ситуации».

Верховный Суд применил стандарт доказывания «вполне очевидно», указав в определении: «Вполне очевидно, что приостановление деятельности по водоснабжению и водоотведению крупного населенного пункта влечет тяжелые социально-экономические последствия. В условиях низких температур ситуация еще более усугубляется».

Такой подход близок к стандарту доказывания *prima facie* (prima facie), который в отечественной практике применяется по большей

части при доказывании существенности сомнений, с его помощью, как правило, доказываются отсутствие фактов, редко он может применяться и при доказывании аффилированности.

Существенность сомнений и опровержение факта позволяет перевести бремя доказывания на оппонента. Такой подход ВС РФ приведен в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 5 (2017) от 27.12.2017, а также ряде Определений ВС РФ (Определения ВС РФ от 05.08.2020 № 307-ЭС20-10279, от 30.05.2022 № 305-ЭС22-1204, от 25.04.2022 № 305-ЭС21-27523 и др.): «Если конкурсный кредитор обосновал существенные сомнения, подтверждающие наличие признаков мнимости у сделки, совершенной должником и другим конкурсным кредитором, на последних возлагается бремя доказывания действительности сделки»²⁵.

Такой подход ВС РФ позволяет преодолеть строгость нормы статьи 65 АПК РФ, последствиями буквального толкования которой нередко становится возложение на истца бремени доказывания заведомо недоказуемых фактов.

Заключение

Возможным правовым средством разрешения некоторых проблем использования косвенных доказательств в практике гражданского процесса может стать введение категорий «прямые» и «косвенные» доказательства в процессуальное законодательство, их определение, разграничение, а также их признаков.

С целью восполнения правового пробела предлагается внести дополнения в статью 55 ГПК РФ в виде пункта 3 и изложить его в следующей редакции:

«Суд, рассматривающий дело, принимает представленные сторонами доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела вне зависимости от того, являются ли они прямыми, или косвенными доказательствами».

При необходимости указанный пункт статьи 55 ГПК РФ либо иную статью возможно также дополнить следующими дефинициями:

«Прямыми являются доказательства, которые однозначно подтверждают или опровергают существование любого обстоятельства, подлежащего доказыванию при рассмотрении дела судом. Косвенными являются доказательства, которые неоднозначно подтверждают или

²⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017). *КонсультантПлюс*. Дата обращения 16.03.2023. <http://www.consultant.ru>.

опровергают существование доказываемого обстоятельства по делу, допускают возможность различных вероятных выводов, либо вывод, сделанный на основании такого доказательства, носит характер большей или меньшей вероятности».

Аналогичные дополнения целесообразно внести и в статью 64 АПК РФ, и в статью 59 КАС РФ.

Также из рассмотренной выше судебной практики очевидно, что ВС РФ периодически предпринимаются попытки разъяснений по отдельным категориям дел, в том числе в части обоснования применения при доказывании и оценки судом предоставляемых косвенных доказательств, применения пониженного стандарта доказывания и др.

В перспективе представляется целесообразным активизация работы в данном направлении. Верховному Суду РФ с целью подготовки постановления Пленума прежде всего необходимо собрать и обобщить информацию по вопросу применения и оценки судом косвенных доказательств:

1) направить задание по обобщению судебной практики в районные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, областные суды, арбитражные суды апелляционной инстанции, кассационные суды в разрезе по категориям дел с подготовкой аналитической записки, по каким категориям дел возникали затруднения и вопросы при оценке предоставленных в обоснование требований и возражений косвенных доказательств и дальнейшей постановки реше-

ния/определения по делу на основании этой оценки;

2) направить задание в вышеназванные суды по результатам обобщения данной судебной практики сформировать перечень вопросов, вызванных коллизиями в законодательстве, а также возникшими конкретными практическими ситуациями при рассмотрении споров, в которых суду предоставлялись косвенные доказательства фактов и обстоятельств, имеющих существенное значение для рассмотрения дела;

3) Внести подготовленный в результате исследования перечень вопросов на обсуждение на заседании Пленума Верховного Суда и сформировать правовую позицию по поступившим вопросам по применению и оценке косвенных доказательств по различным категориям дел путем подготовки проекта и последующего утверждения постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Предполагается, что это позволит аккумулировать в едином документе накопленный за последние годы практический опыт по оценке косвенных доказательств судами, и высказанные ранее ВС РФ правовые позиции по различным категориям дел в отдельных Определениях по рассмотренным делам, обзорах судебной практики и пунктах различных постановлений Пленума ВС РФ.

Данные меры позволили бы привести к большему единообразию правоприменительную практику, а в перспективе снизить долю судебных ошибок при вынесении итоговых решений судами.

Библиография

Афанасьев, Сергей Ф., Светлана Ю. Каткуова. 2011. “О доказывании отрицательных фактов и возможности применения фикции признания при их обосновании по гражданским делам”. *Российская юстиция* 3: 69–73. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16356011>, <https://www.elibrary.ru/ntxwv1>.

Боннер, Александр Т. 2018. “Косвенные доказательства в гражданском и арбитражном процессе: проблемы теории и практики”. *Закон* 4: 39–55. <https://zakon.ru/Publication/igzakon/7457?ysclid=lu2erz6z2g458716510>.

Боннер, Александр Т. 2009. *Проблемы установления истины в гражданском процессе*. Санкт-Петербург: ООО “Универ. издат. консорц. “Юридическая книга”.

Гилев, Кирилл Е. 2021. “Подходы к доказыванию отрицательных фактов”. *Вопросы российской юстиции* 2: 232–236. <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-dokazyvaniyu-otritsatelnyh-faktov/viewer>.

Горошко, Татьяна 2019. “Отрицательные факты не доказываются: что это – теория или практика?”. *Жилищное право* 1: 33–43. <https://www.top-personal.ru/estatelaw.html?115>.

Лукьянова, Ирина Н. 2003. *Доказательства в арбитражном процессе*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва.

Молчанов, Валерий В. 2012. *Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве*: учебное пособие. Москва: ИКД “Зерцало-М”. <https://elibrary.ru/item.asp?id=20240956>, <https://elibrary.ru/rayglb>.

Пучинский, Василий К. 2004. “Понятие, значение и классификация судебных доказательств в российском процессуальном праве”. *Законодательство* 12: 28–34.

Смольников, Дмитрий И. 2015. *Косвенные доказательства в гражданском судопроизводстве России*: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. [https://www.hse.ru/data/2016/03/14/1124599313/Smolnikov_diss\(1\).pdf?ysclid=lu2jazhh10282036591](https://www.hse.ru/data/2016/03/14/1124599313/Smolnikov_diss(1).pdf?ysclid=lu2jazhh10282036591).

Смольников, Дмитрий И. 2015. “Теория и практика применения косвенных доказательств в гражданском судопроизводстве (на примере практики судов общей юрисдикции)”. *Мировой судья* 9: 29–35. <https://elibrary.ru/item.asp?id=24107858>. EDN: <https://elibrary.ru/uhojdb>.

References

Afanasiev, Sergey F., Svetlana Yu. Katukova. 2011. “On proving negative facts and the possibility of applying fiction of recognition in substantiating them in civil cases”. *Russian Justice* 3: 69–73. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16356011>, <https://www.elibrary.ru/ntxwvl>. (In Russian)

Bonner, Alexander T. 2018. “Indirect evidence in civil and arbitration proceedings: issues of theory and practice”. *Zakon* 4: 39–55. <https://zakon.ru/Publication/igzakon/7457?ysclid=lu2erz6z2g458716510>. (In Russian)

Bonner, Alexander T. 2009. *Problems of establishing truth in civil proceedings*. Saint Petersburg: OOO “Univer. izdat. konsorts. “Iuridicheskaja kniga”. (In Russian)

Gilev, Kirill E. 2021. “Approaches to proving negative facts”. *Voprosy rossijskoi iustitsii* 2: 232–236. <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-dokazyvaniyu-otritsatelnyh-faktov/viewer>. (In Russian)

Goroshko, Tatyana 2019. “Negative facts are not proven: is it a theory or practice?” *Zhilishchnoe pravo* 1: 33–43. <https://www.top-personal.ru/estatelaw.html?115>. (In Russian)

Lukyanova, Irina N. 2003. *Evidence in arbitration proceedings*. Candidate’s of Legal Sciences thesis. Moscow. (In Russian)

Molchanov, Valery V. 2012. *Fundamentals of evidence theory in civil procedural law*: textbook. Moscow: IKD “Zertsalo-M”. <https://elibrary.ru/item.asp?id=2024095>, <https://elibrary.ru/rayglb>. (In Russian)

Puchinsky, Vasiliy K. 2004. “Concept, significance, and classification of judicial evidence in Russian procedural law”. *Zakonodatel'stvo* 12: 28–34. (In Russian)

Smolnikov, Dmitry I. 2015. *Indirect evidence in civil proceedings in Russia*. Candidate’s of Legal Sciences thesis. Moscow. [https://www.hse.ru/data/2016/03/14/1124599313/Smolnikov_diss\(1\).pdf?ysclid=lu2jazhh10282036591](https://www.hse.ru/data/2016/03/14/1124599313/Smolnikov_diss(1).pdf?ysclid=lu2jazhh10282036591). (In Russian)

Smol'nikov, Dmitry I. 2015 “Theory and practice of producing indirect evidences in civil legal proceedings (by example of practice of courts of general jurisdiction)”. *Magistrate judge* 9: 29–35. <https://elibrary.ru/item.asp?id=24107858>, <https://elibrary.ru/uhojdb>. (In Russian)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ**CRIMINAL LEGAL SCIENCES****НАУЧНАЯ СТАТЬЯ**

УДК 343.1

Дата получения: 22.04.2023

рецензирования: 26.05.2023

принятия: 27.06.2023

Татьяна И. Михеева

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация

Особенности доказывания преступлений, совершенных организованными преступными группами

Аннотация: в статье выявлены сложности в доказывании совершенных организованными преступными группами преступных деяний, вызванные тщательной спланированностью и законспирированностью, высокой степенью организованности членов данных преступных формирований, большим числом эпизодов преступной деятельности обвиняемых, особенностями ее оперативного документирования, необходимостью назначения большого количества судебных экспертиз, а также производства следственных и процессуальных действий. Автор считает, что избранная для исследования тема относится к числу недостаточно исследованных: отсутствуют тематические монографии, посвященные данной теме; в рамках курса «Уголовный процесс» вопросы доказывания анализируемых преступлений рассматриваются в самых общих чертах, а выходящие в печать научные публикации немногочисленны, при этом многие из них затрагивают лишь отдельные аспекты исследуемой темы.

Ключевые слова: организованная преступная группа; доказывание; доказательства; следственные действия; организованность.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование: Михеева, Татьяна И. 2023. “Особенности доказывания преступлений, совершенных организованными преступными группами”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (2): 49–54. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-2-49-54>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Татьяна И. Михеева, 2023

Татьяна И. Михеева, юрист, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: MT101MT@mail.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.04.2023

Revised: 26.05.2023

Accepted: 27.06.2023

Tatyana I. Mikheeva

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Features of proving crimes, committed by organized crime groups

Abstract: the article reveals difficulties in proving criminal acts committed by organized crime groups, caused by careful planning and conspiracy, a high degree of organization of members of these crime groups, a large number

of episodes of criminal activity of the accused, the peculiarities of its operational documentation, the need to appoint a large number of forensic examinations, as well as production of investigative and procedural actions. The author believes that the topic chosen for research is one of those that has not been sufficiently researched: there are no thematic monographs devoted to this topic; within the framework of the course “Criminal Procedure”, the issues of proving the analyzed crimes are considered in the most general terms, and scientific publications published in print are not numerous, and many of them touch only on certain aspects of the topic under study.

Key words: organized crime group; proof; evidence; investigative actions; organization.

Conflict of interest: the author declared that there is no conflict of interest.

Citation: Mikheeva, Tatyana I. 2023. “Features of proving crimes, committed by organized crime groups”. *Juridical Analytical Journal* 18 (2): 49–54. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-2-49-54>. (In Russian)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Tatyana I. Mikheeva, 2023

Tatyana I. Mikheeva, lawyer, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

e-mail: MT101MT@mail.ru

Введение

Наиболее опасной, серьезной и многоаспектной социальной проблемой XXI в. является организованная преступность. Представляя по своей сущности сложносоставной феномен социального характера, она прочно закрепилась в самых разнообразных сферах общественной жизни: от политической и экономической, до культурной и духовной, создавая угрозу спокойствию и благополучию сформировавшихся в обществе отношений. Организованные преступные группы достаточно часто причастны к осуществлению самого разнообразного круга преступлений (значительное место в структуре которых занимают тяжкие и особо тяжкие преступления).

При этом в условиях всемирной глобализации преступная деятельность организованных преступных групп получает все большее и большее влияние, обретая международный охват. В этой связи перед нашим государством стоит важная задача по борьбе с такими преступными формированиями.

Следует отметить, что доказывание преступлений, совершенных организованными преступными группами, имеет значительные трудности (их тщательное планирование, профессионализм участников, количество и качество эпизодов преступной деятельности, большое количество следственных действий).

Ход исследования

Одной из глобальных проблем современного общества является организованная преступная деятельность. Это один из опаснейших видов преступности, потому что данная деятельность посягает на обширный круг отношений в обществе, на его экономические, политические, пра-

вовые и нравственные сферы, а также причиняет потерпевшим наибольший материальный ущерб. Существование сегодня организованной преступной деятельности можно связать с различными процессами, такими как интеграция общества, развитие технических средств и информационных технологий и др. Организованные преступные группы зачастую причастны к осуществлению самого широкого и разнообразного круга преступлений (мошенничество, наркопреступность, нелегальная торговля оружием и др.). Но наиболее опасной чертой данной преступности является ее слияние с органами государственной власти, что может приводить к огромному ущербу в социально-политической и экономической жизни государства.

Действующее уголовное законодательство России (статья 35 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) предусматривает четыре формы соучастия в преступной деятельности: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация), две последние из которых – предусматривают организованное совершение преступлений. В основу выделения данных форм соучастия положены количественный признак, а также степень организованности и характер субъективной связи участников.

Причиной объединения лиц в организованные преступные группы служит то, что посредством группового характера совершения преступлений осуществляется облегчение достижения преступного результата и, вместе с тем, увеличение преступного дохода. То есть участники организованной группы, совершая однотипные преступления, оттачивают и со-

вершают свои преступные навыки и, оставаясь не привлеченными к уголовной ответственности, как правило, расширяют сферы преступной деятельности; их действия приобретают более дерзкий и циничный характер.

Рассматриваемое преступное объединение обычно проявляет активность в определенной области и осуществляет контроль над определенной территорией. Они могут заниматься различными видами незаконной деятельности – от контрабанды до организации подделки документов. Также они могут участвовать в совершении серьезных преступлений, таких как организация убийств, покушений или создание вооруженного формирования. Характеризуя способ совершения преступлений, следует отметить, что данные группы обычно используют определенные методы и тактики при совершении преступлений, что показывает их специализацию в конкретной области (Глазкова 2016, 27).

Ключевую роль при расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами, как и любого иного преступления, играет доказывание – процесс установление истины по делу. Исходя из содержания статьи 85 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ): доказывание – это регулируемая уголовно-процессуальным законом деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц по собиранию, проверке и оценке доказательств для установления обстоятельств, которые образуют предмет доказывания по уголовному делу. Собираение доказательств – это деятельность уполномоченных субъектов по выявлению и фиксации в процессуальных документах и приложениях к ним материальных и идеальных следов преступления. Производится оно дознавателем, следователем, прокурором и судом путем проведения следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ. Проверка доказательств осуществляется путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения других доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Предмет доказывания характеризуется наличием как общих черт, так и специфических особенностей.

Прежде всего требуется установить само преступление: время, место, способ и другие обстоятельства совершенного преступления.

Затем имеет место установление средств, применяемых для совершения преступлений. Они могут иметь вид материального и психического воздействия.

Далее необходимо установить мотивы и цель преступления. Первые представляют собой обусловленные определенными интересами и потребностями внутренние побуждения и желания, которые вызывают у лица решимость на совершение преступления. Цель преступления – субъективное представление о результатах преступного деяния.

Устанавливая обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, интерес представляет информация, которая непосредственно не связана с совершенным преступлением: сведения о возрасте лица, о его поведении, отношениях с окружающими, прежних судимостях и т. п.

Что касается доказывания обстоятельств, включающих преступность и наказуемость деяния, то ввиду особенностей объективной стороны рассматриваемых нами преступлений к ним они не могут быть применены.

Весьма редко применяются основания освобождения от уголовной ответственности, так как данные составы преступлений относятся, как правило, к тяжким и особо тяжким и сопряжены с повышенной общественной опасностью.

Помимо перечисленных обстоятельств, при доказывании исследуемых преступлений необходимо в обязательном порядке выявить и доказать: факт совершения преступления организованной преступной группой; характер, структуру организованной преступной группы и распределение в ней ролей; существующую систему правил поведения для членов группы, характер санкций за их нарушение и виды применяемых поощрений; способы противодействия раскрытию и расследованию преступлений (конспирация, связь с представителями органов власти, выработка линии поведения на следствии и т. д.); техническое обеспечение деятельности группы (технические средства, используемые для совершения преступления, обеспечения безопасности ее членов и т. д.); наличие и размеры денежных фондов, используемых организованной преступной группой; характер связей преступной группы с иными преступными формированиями (обстоятельства, свидетельствующие о разделе сфер влияния, и т. д.).

Таким образом, доказывание преступлений, совершенных организованными преступными группами, представляет собой практическую деятельность уполномоченных законом субъектов, которая происходит в особой процессуальной форме путем собирания, проверки и оценки доказательств. Предмет доказывания по исследуемым делам имеет существенную специфику, выражающуюся в том, что ряд из подлежащих доказыванию по любому уголовному делу об-

стоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ, устанавливается во всех случаях (событие преступления и т. д.); другие не всегда имеют место быть (обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание); некоторые требования закона остаются невостребованными (обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния). Также при доказывании данных преступлений необходимо выявить и доказать ряд других не менее важных обстоятельств – это структура преступной группировки, система правил поведения ее членов и др. Соответственно, круг обстоятельств, подлежащих установлению по данным делам, значительно шире, чем по обычным делам о преступлениях (Демчук 2021, 59).

Доказывание по уголовным делам в отношении преступлений, совершенных организованной преступной группой представляет собой сложный процесс, осуществляемый с помощью системы действий по сбору доказательств о противоправной деятельности организованной преступной группы, ее проверке и оценке. В этом отношении лица, осуществляющие доказывание, должны понимать сущность и закономерности организованной преступной группы как социально-правового явления и в соответствии с этой сущностью вести работу по доказыванию. Доказывание преступлений рассматриваемой категории всегда сопровождается выполнением большого количества следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, основными в числе которых являются допрос, осмотр, выемка, получение образцов для сравнительного исследования, проведение судебных экспертиз и др. (Гридина 2018, 244).

Важное значение при доказывании рассматриваемых преступлений имеет выявление и исследование следователем конфликтных ситуаций, возникающих в преступном объединении.

После того как органы предварительного расследования провели все необходимые действия по доказыванию преступлений, совершенных организованными преступными группами, они должны принять решение о передаче дела в суд. Передача дела (которое включает в себя в том числе протоколы допросов, фото- и видеоматериалы, экспертные заключения и другую необходимую информацию, которая была собрана во время предварительного расследования) в суд осуществляется постановлением прокурора. В этом постановлении указываются все обстоятельства дела, доказательства и квалификация преступления, а также предъявляются обвинения подозреваемому или обвиняемому. После передачи дела в суд последний рассматривает все доказательства и обстоятельства дела, выносит решение и определяет

наказание для виновных. Следует отметить, что рассмотрение уголовных дел о преступлениях, совершенных преступными группами, может осуществляться судом в общем и особом порядке. Первый предполагает полное и непосредственное исследование собранных по делу доказательств в ходе проведения судебного следствия, второй представляет собой упрощенную процедуру рассмотрения дела, в ходе которой суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (Вахрушева 2021, 182).

На суд как на участника процесса доказывания возложена обязанность всесторонне и полно исследовать и оценить все доказательства, подтверждающие или опровергающие совершение преступлений организованной преступной группировкой с целью вынесения законного и обоснованного решения. Соответственно, для того, чтобы преступление было признано совершенным организованной преступной группой, судом на основании представленных доказательств должны быть установлены и подтверждены все признаки организованной преступной группы. И в первую очередь речь идет о таких ее признаках, как:

- наличие заранее объединившихся двух и более субъектов для совершения одного или нескольких преступлений;
- устойчивость (особая характеристика субъективной связи группы лиц, тщательно готовящих и планирующих совершение преступлений, распределяющих роли между соучастниками, техническое оснащение, постоянство форм и методов преступной деятельности);
- наличие иерархически организованной структуры – определенная упорядоченность организации преступной группы в плане взаимоотношений между участниками, а также отношения лидерства и подчиненности.

В ходе преступной деятельности организованной преступной группировки за отдельными участниками закрепляются постоянные функции, связанные с непосредственным исполнением преступлений (исполнительское звено); с руководством деятельностью группы (организационно-управленческое звено); с обеспечением существования и функционирования группы (организационно-обеспечивающее звено). При этом важнейшее значение при доказывании приобретает характеристика действий по реализации той или иной функции, то есть решение вопроса, что конкретно сделано и каким образом. Место и роль каждого участника в преступной группе могут быть понятны только во взаимосвязи его действий с действиями других членов. Поэтому установление и дока-

зывание таких связей является обязательным. Как показал проведенный нами анализ уголовных дел, данные признаки отражают специфический характер организованной преступной группы и являются взаимосвязанными, поэтому отсутствие доказанности любого из них исключает возможность квалификации преступления как совершенного организованной преступной группировкой (Зуев 2010, 79).

Вместе с тем исследование судебной практики показывает, что достаточно распространенным явлением при рассмотрении уголовных дел судами является исключение последними квалифицирующего признака «организованная группа» при рассмотрении уголовных дел. Вызвано это недостаточным уровнем предварительного расследования уголовных дел, в том числе отсутствием достаточной доказательственной базы позволяющей вменить данный квалифицирующий признак. Причиной тому, согласно исследований ряда ученых, являются издержки в работе оперативных служб. В итоге по их разработкам большая часть уголовных дел возбуждается не в связи с созданием и участием в организованных преступных группах, а по конкретным деяниям, которые совершили члены преступных формирований. Связано это и с тем, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, не уделяют достаточного внимания документированию признаков, присущих организованной преступной группе, и считают, что этого будет достаточно для предъявления им обвинения в преступном деянии в составе организованной преступной группы.

Так, в качестве примера можно привести кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2023. Отменяя решение нижестоящего суда, судебная коллегия указала: установив, что преступления совершены в составе организованной группы, суд, по сути, не привел доказательств, которыми подтверждаются его выводы об устойчивости и высокой организации преступной группы, длительности существования, сложной иерархии внутри группы, руководящей роли Старчак. Так, суд не установил точное время создания преступной группы, указав, что она была создана не позднее середины февраля 2016 г. и действовала до 16 марта 2016 г. Таким образом, преступная группа существовала около месяца и совершила лишь три преступления, признанных доказанными, причем в двух случаях наркотические средства сбывались одному приобретателю – Романовой. Более того, описание преступной группы в фабуле преступления содержит внутренние противоречия. Так, суд установил, что преступную группу создал

Белов А.В., далее же в приговоре указано, что организатором преступной группы являлась Старчак. При юридической оценке содеянного суд не принял в полной мере все обстоятельства совершенных преступлений, которые должны быть подтверждены совокупностью исследованных в судебном заседании доказательств. Соответственно, выводы суда о совершении преступлений в составе организованной группы не основаны на совокупности приведенных в приговоре доказательствах. А потому данный квалифицирующий признак подлежит исключению по всем трем преступлениям, которые совершены по предварительному сговору группой лиц. В связи с этим действия осужденных были переквалифицированы.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что основным субъектом доказывания преступлений, совершенных организованными преступными группами в судебном производстве является суд. Однако, в отличие от властных субъектов, на суд не возлагается обязанность сбора доказательств, формирования доказательственной базы, он в большей степени основывается на тех доказательствах, что уже имеются в уголовном деле. Анализ судебной практики показал, что по рассматриваемой категории дел достаточно часто суды выносят оправдательные приговоры или решения о направлении дел данной категории на дополнительное расследование. Вызвано это в первую очередь отсутствием в материалах уголовных дел весомых доказательств, указывающих на признаки создания и функционирования организованной преступной группы.

В сложившейся ситуации считаю целесообразным государству в лице соответствующих органов осуществить разработку и реализацию комплекса мер, направленных на обеспечение более качественного расследования и доказывания данных преступлений, с тем чтобы каждый виновный получил справедливое наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности совершенного им общественно опасного деяния. Также наряду с вышеуказанным существует необходимость повышения эффективности мер борьбы с организованной преступностью и совершенствования организационно-правовых основ такой борьбы. Это же подтвердили результаты опроса оперативных сотрудников (все опрошенные (100 %) считают, что такая необходимость есть). При ответе же на вопрос о необходимости повышения результативности противодействия организованной преступности при помощи

внедрения инновационных решений и постоянного контроля за этими процессами все респонденты ответили утвердительно, добавив также, что не видят роста результативности, считают обязательным внедрение изменений, для того чтобы идти в ногу со временем и для достижения большей эффективности в борьбе с организованной преступностью.

Библиография

Альимова, Анастасия Д. 2015. “Понятие и признаки организованной группы в российском уголовном праве”. *Юридическая наука* 1: 50–54. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-organizovannoy-gruppy-v-rossiyskom-ugolovnom-prave/viewer>.

Вахрушева, Кристина В. 2021. “Понятие процесса доказывания”. *Молодой ученый* 52 (394): 87–89. <https://moluch.ru/archive/394/87220/?ysclid=lu2bsjx43v344731183>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47456318>, <https://www.elibrary.ru/nkrbdv>.

Гридина, Елена А. 2018. “Следственные действия при расследовании преступлений, совершенные организованными преступными формированиями”. *Постулат* 1: 244–248. https://lk.dvgups.ru/public/upload/img_tpls/a62f262a440f06bea9133ebb3a05a527/images/118512061PB_875D9.pdf.

Глазкова, Лилия В. 2016. “Понятие и виды организованных преступных групп: системный анализ”. *Мониторинг правоприменения* 1 (18): 26–29. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-organizovannyh-prestupnyh-grupp-sistemnyy-analiz/viewer>.

Демчук, Сергей Д. 2021. “Уголовно-правовые признаки организованной группы”. *Lex Russica* 74 (8): 58–68. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.177.8.058-068>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bdsols>.

Зуев, Сергей В. 2010. *Уголовное преследование по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями)*: монография. Челябинск: Челябинский юридический ин-т МВД России. <https://www.iaaj.net/node/1027?ysclid=lu2cp9u23m120876578>.

Лазарева, Валентина А. 2019. *Доказывание в уголовном процессе*: учебник. Москва: Юрайт. <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processe-431146>.

Шейфер, Соломон А. 2008. *Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования*. Москва: Норма. [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf).

References

Alymova, Anastasia D. 2015. “Concept and characteristics of an organized group in Russian criminal law.” *Legal Science* 1: 50–54. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-organizovannoy-gruppy-v-rossiyskom-ugolovnom-prave/viewer>. (In Russian)

Demchuk, Sergey D. 2021. “Criminal law characteristics of an organized group”. *Lex Russica* 74 (8): 58–68. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.177.8.058-068>, <https://www.elibrary.ru/bdsols>. (In Russian)

Glazkova, Liliya V. 2016. “The concept and types of organized crime groups: a systemic analysis”. *Monitoring of Law Enforcement* 1 (18): 26–29. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-organizovannyh-prestupnyh-grupp-sistemnyy-analiz/viewer>. (In Russian)

Gridina, Elena A. 2018. “Investigation actions in criminal investigations, performed by organized criminal formations”. *Postulat* 1: 244–248. https://lk.dvgups.ru/public/upload/img_tpls/a62f262a440f06bea9133ebb3a05a527/images/118512061PB_875D9.pdf. (In Russian)

Lazareva, Valentina A. 2019. *Evidence in criminal proceedings*: textbook. Moscow: Iurait. <https://urait.ru/book/dokazyvanie-v-ugolovnom-processe-431146>. (In Russian)

Sheifer, Solomon A. 2008. *Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation*. Moscow: Norma. [https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/710000/c98674442bb60a88cd56b59d804dc50d/_as/%5BS._A._SHeifer%5D_Dokazatelstva_i_dokazuevanie_po_ug(libcats.org).pdf). (In Russian)

Vakhrusheva, Kristina V. 2021. “Concept of the process of proof”. *Molodoi uchenyi* 52 (394): 87–89. <https://moluch.ru/archive/394/87220/?ysclid=lu2bsjx43v344731183>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47456318>, <https://www.elibrary.ru/nkrbdv>. (In Russian)

Zuev, Sergey V. 2010. *Criminal prosecution in cases of crimes committed by organized groups and criminal communities (organized crimes)*: monograph. Chelyabinsk: Cheliabinskii iuridicheskii in-t MVD Rossii. <https://www.iaaj.net/node/1027?ysclid=lu2cp9u23m120876578>. (In Russian)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

I. Общие положения

1. Журнал «Юридический аналитический журнал *Juridical Analytical Journal*» выходит 4 раза в год и принимает к публикации на русском и английском языках статьи, которые обладают актуальностью, научной новизной и содержат ранее неизвестные или неразработанные области правотворчества и правоприменения, а также отражают конструктивные предложения по совершенствованию законодательства, новые авторские концепции, направленные на развитие юридической науки.

Основной концептуальной задачей журнала является публикация статей авторов уровня кандидатов и докторов наук, а также практикующих юристов, ссылающихся в том числе на работы, опубликованные в журналах, входящих в перечень ВАК, Scopus и WoS.

Принимаются статьи по следующим специальностям: 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. уголовно-правовые науки; 5.1.5. международно-правовые науки.

2. Представленная на рассмотрение статья должна иметь следующую структуру: индекс УДК, заглавие статьи, имя, отчество, фамилию автора, степень, звание, должность, кафедру (другое место работы), полное официальное название учреждения и его адрес, e-mail автора, аннотацию, ключевые слова, конфликт интересов, а также при наличии автор может указать благодарность и источник финансирования. Все указанные сведения должны быть представлены на русском и английском языках. Далее идет текст статьи и библиография.

3. Междустрочный интервал – полуторный, цвет шрифта – черный, размер шрифта – 14, размер всех полей – 2 мм. Абзацный отступ – 1,25 мм. Допустимо выделение отдельных элементов текста курсивом, полужирным курсивом, полужирным прямым.

Рекомендованный объем не менее 20–40 тыс. знаков с пробелами.

Материалы для публикации на английском языке представляются зарубежными авторами без перевода в какой-либо их части на русский язык.

4. Электронный вариант статьи может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: yuazh@ssau.ru (в данном случае все вышеперечисленные требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

Плата за публикацию статей и их рецензирование не взимается. Гонорар авторам не выплачивается.

II. Требования к оформлению статей в журнале

1. Материалы статьи должны содержать существенные, законченные и еще не опубликованные результаты научных исследований.

Текст статьи должен быть структурно разбит на разделы: введение, основное исследование, выводы, библиография.

Структура статьи на английском языке должна включать следующие элементы: Introduction, Main text, Conclusion, References.

2. Аннотация (краткое описание статьи) должна отражать основную мысль научного исследования, быть информативной, оригинальной и сжатой. Объем аннотации – 150–250 слов. Аннотация должна состоять из следующих блоков: обоснование проводимого исследования, методы, результаты, заключение (включающее подтверждение научной новизны статьи).

Приветствуется, если аннотация на английском языке будет более развернутой, чем на русском. В англоязычной аннотации желательно предусмотреть – введение и заключение (основные тезисы), раскрыть структуру статьи, цель и основные результаты исследования, а также область их применения.

3. Ключевые слова представляют собой отдельные термины (слова или их сочетания), которые являются основными для понимания содержания статьи. Объем ключевых слов – 5–10 слов или словосочетаний без учета предлогов, союзов и т. п.

4. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в сносках. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

Весь иллюстративный материал (графики, схемы, фотографии) именуется рисунками, имеет сквозную порядковую нумерацию и представляется в черно-белом варианте.

5. Названия учреждений, органов государственной власти, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

III. Оформление библиографии

1. В статье обязательным элементом является список используемых источников (библиография). Библиография представляет собой список литературы на языке оригинала.

2. Библиография и ссылки оформляются в соответствии с рекомендациями Chicago Manual of Style (см. https://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide/citation-guide-2.html).

3. Библиография на русском языке должна быть построена в алфавитном порядке (без нумерации). После в продолжении оформляется в алфавитном порядке иностранная литература. Отдельно оформляется References в

алфавитном порядке, в том случае, если источник опубликован на языке, использующем систему письменности не на основе латиницы (кириллица, иероглифы и т. д.), в описание добавляется указание языка публикации – (In Russian), (In Chinese).

4. **Список References** включает в себя все источники из библиографии.

Для транслитерации с кириллицы можно воспользоваться сайтом <https://translit.ru/lc>. Источники, в основе которых лежит латиница, приводятся в References без транслитерации, в таком же виде, как они представлены в библиографии.

5. В библиографию не включаются анонимные источники и нормативные документы (постановления, законы, инструкции и т. д.). Такие источники описываются в постраничных сносках.

Не рекомендуется использовать в библиографии труднодоступные, неопубликованные, локальные и образовательные источники: авторефераты диссертаций, газеты, неопубликованные отчеты, учебные пособия и учебники.

6. В случае необходимости (пояснений) возможно по тексту использование сносок в сплошной нумерации.

Все цитируемые в тексте нормативные правовые акты и судебные решения оформляются в виде ссылок и отражаются с указанием содержания сайта информационно-справочной системы, например СПС «КонсультантПлюс», или официального источника опубликования с указанием даты последней редакции. Пример: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 1 сентября 2022. <http://www.consultant.ru>.

Ссылки на нормативные источники и судебные решения в библиографию не включаются.

IV. Предоставление сведений об авторе (авторах) статей

Дополнительно к сведениям об авторе (авторах) в рукописи статьи, приводимым в соответствии с перечисленными ранее требованиями, к статье в отдельном файле прилагается анкета автора. Анкета отдельно заполняется на каждого автора и содержит следующие сведения: 1) фамилию, имя, отчество (полностью); 2) ученую степень, ученое звание (полностью); 3) место работы в соответствии с официальным названием организации; 4) занимаемую должность; 5) e-mail; 6) контактный телефон.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ (ФРАГМЕНТ, ПОЛНЫЙ – НА САЙТЕ ЖУРНАЛА)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

Дата поступления: XX.XX.2023
рецензирования: XX.XX.2023
принятия: XX.XX.2023

Иван И. Иванов Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443011, Российская Федерация, г. Самара

ПОНИМАНИЕ КАТЕГОРИЙ «ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ» И «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ» В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы понимания категорий «добросовестность» и «злоупотребление правом» в гражданском судопроизводстве, так как в общей теории права и в отраслевых юридических науках встречается различные подходы трактовки данных понятий. Автор отмечает, что широкая интерпретация категорий «добросовестности» и «злоупотребления правом» размывает границы указанных понятий. Отчасти это служит отголоском дискуссии о позитивной и негативной ответственности. Методологическая основа статьи проявляется через формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический методы. Автор приходит к выводу о том, что необходимо узкое понимание соответствующих категорий.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, процессуальная добросовестность, злоупотребление процессуальными правами, процессуальные обязанности.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность (при наличии): ...

Источник финансирования (при наличии): ...

Цитирование: Иванов, Иван И. 2023. «Понимание категорий “добросовестность” и “злоупотребление правом” в гражданском судопроизводстве”. *Юридический аналитический журнал Juridical Analytical Journal* 18 (X): XX–XX. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2023-18-X-XX-XX>.

© **Иван И. Иванов, 2023**

Иван И. Иванов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443011, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

e-mail: Ivanov111@mail.ru